

АЛЕКСАНДР СКУРИДИН

ТРИ ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

комедия с детективным уклоном в трех действиях

Действующие лица:

Адам (Виктор Петров – художник, эмигрант из России) – пациент психиатрической клиники,

Ева (Алиса Смит – жена доктора Смита) – пациент психиатрической клиники.

Доктор Смит – врач.

Элен – медсестра.

Падре Эммануэль, мошенник в сутане.

Руди – медбрат.

Инспектор Гаррисон.

Чарльз Бейкер – бывший слуга Петрова (Адама).

Репортеры

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Холл психиатрической больницы. Он перегорожен ВООБРАЖАЕМОЙ стеклянной стеной. На одной из стен висит распятие. За столом сидит ЕВА. Она пытается сложить из карт домик, который постоянно разваливается.

ЕВА. Ничего не получается. Как всегда. Говорят, что невозможно построить дом на песке, но здесь песка нет (*щупает руками стол*), твердая поверхность (*она отпихивает ладонью карты, поет*). Где ты, где ты, мой милый? Я так устала тебя ждать!..

ВХОДИТ АДАМ С ФОНАРЕМ-СВЕТОФОРОМ В РУКЕ.

АДАМ (*поднимает светофор, направляет его на ЕВУ, строго спрашивает*). Кто вы?

ЕВА. Ева, а вы кто?

АДАМ. Адам.

ЕВА (*хлопает в ладоши*). До чего прекрасно! Адам и Ева! совсем как в раю!

АДАМ (*ставит светофор на стол*). Чего уж тут прекрасного. Да и разве сумасшедший дом может быть раем?

ЕВА. Сумасшедший дом?

АДАМ (*язвительно*). Нет, царские палаты...

ЕВА. Постойте!..

АДАМ. Я стою.

ЕВА. Тогда сядьте.

АДАМ САДИТСЯ.

АДАМ. Сел, моя прекрасная, но наивная леди.

ЕВА (*вскакивает*). Что вы сказали? Повторите!

АДАМ. Прекрасная леди... А чего тут такого?

ЕВА. А то, что меня давно уже никто подобным титулом не именовал.

АДАМ. Ну, уж, титул...

ЕВА. Конечно! (*садится*). Так приятно услышать музыку давно минувших дней. Спасибо.

АДАМ. На здоровье. Только извините, как вас... Ева, музыки я не слышу. Да и откуда она здесь, в желтом доме, зазвучит?

ЕВА. Желтый дом... (*обхватывает голову руками, всхлипывает*). И как это все люди стремятся опозлить, принизить красивое, высокое...

АДАМ. Я не человек, я – пациент! Впрочем, что с вами? Конечно же, прекрасная леди! Во всяком случае, душа ваша прекрасна!

ЕВА (*убирает руки*). Душа? А вы можете видеть душу?

АДАМ. Душу у душевнобольных? Ха-ха...

ЕВА. Опять вы за свое (*заламывает руки*). Боже, как все мужчины грубы...

АДАМ. Я не мужчина, я – пациент!

ЕВА. Выходит, и я пациентка?

АДАМ. Конечно.

ЕВА. Хорошо, мы пациенты, но кого?

АДАМ. Дурдома. Точнее, доктора Смита.

ЕВА. А вот и нет! Мы пациенты наивеличайшего доктора на свете. Не догадываетесь, кто это, Адам?

АДАМ. Нет.

ЕВА (*торжественно*). Господь Бог! И мы Его дети!

АДАМ. А-а-а...

ЕВА. Вы – верующий?

АДАМ. Конечно, конечно. Я верую, потому, что это абсурдно.

ЕВА (*вздыхает, кладет свою ладонь на ладонь Адама*). Бедный... У тебя такой бедлам в голове. Разве Бог – это абсурд?

АДАМ. Не знаю, я в последнее время совсем ничего не знаю. Моя прошлая жизнь осталась там (*кивает в сторону зала*), а новая началась в этих апартаментах.

ЕВА. О! Здесь совсем неплохо. Вон та дверь ведет в сад.

АДАМ. В сад? Можно туда сходить? (*берет фонарь, подходит к двери, ведущей в сад, вглядывается в ее стеклянную верхнюю часть*). Ничего не вижу.

ЕВА. И не увидите, там сейчас нет света и, вообще, за той дверью - зима. Мы с вами летом в саду прогуляемся, когда вокруг будет зелено и птички...

АДАМ (*оборачивается*). Что, птички?..

ЕВА. Поют.

АДАМ. Песни?

ЕВА. Нет, национальные гимны... Чудак вы, такой... Вообще-то, это зимний сад.

АДАМ. Зимний?

ЕВА. Ну, да. Там можно и зимой почувствовать себя, как настоящим летом.

АДАМ. Вот бы попасть туда.

ЕВА. Туда отправляют за хорошее поведение.

АДАМ. Как в школе?

ЕВА. Мне, например, было предложено оказать некоторую услугу.

АДАМ. Кому?

ЕВА. Ну, доктор Смит захотел получить какие-то сведения, впрочем, я уже об этом совсем забыла. Простите, а что у вас в руке?

АДАМ. Фонарь.

ЕВА. Вы что-то ищете?

АДАМ. Человека! Но, кажется, я его нашел. Вы, Ева, такая...

ЕВА. Какая, Адам?

АДАМ. Не знаю, как и выразиться...

ЕВА. А вы попробуйте. Для чего тогда нам, людям, и дан язык? Да вы садитесь.

АДАМ. Хорошо (*садится*).

ЕВА. Я слушаю вас.

АДАМ. А о чем говорить?

ЕВА. Ну, вы сказали, что я такая...

АДАМ (*направляет свет фонаря прямо Еве в лицо*). Вы очень красивая, Ева!

ЕВА. Да? Ах, как это приятно! А то заладили: пациент... Нет, вы, Адам, настоящий мужчина.

АДАМ. Выходит, я - человек?

ЕВА. Конечно, а то кто же? Полноценный человек, более того, галантный кавалер!.. Только не светите, пожалуйста, мне в лицо.

АДАМ. Конечно, конечно (*отводит свет фонаря*).

ПОЯВЛЯЮТСЯ ДОКТОР СМИТ И ЭЛЕН, МЕДСЕСТРА. ОНИ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ У ВООБРАЖАЕМОЙ СТЕКЛЯННОЙ СТЕНЫ, ОТДЕЛЯЮЩЕЙ ИХ ОТ ЕВЫ И АДАМА.

ДОКТОР СМИТ. А это, коллега, наши основные пациенты, так сказать курочки, несущие золотые яички.

ЭЛЕН. Да, но... один из них – мужчина!

ДОКТОР СМИТ. Я оговорился, петушок и курочка.

ЭЛЕН. Но, док, петушок не несется.

ДОКТОР СМИТ. Естественно, коллега. Это - аллегория.

ЭЛЕН. Понятно. А эти... (*указывает пальцем на Еву и Адама*) не аллегории?

ДОКТОР СМИТ. О! Это настоящие, СО СДВИГОМ. Представьте, мужчину звать Адамом, а женщину Евой.

ЭЛЕН (*хлопает в ладоши*). Как романтично! Адам и Ева! (*спохватывается*). Они нас не слышат?

ДОКТОР СМИТ. Исключено. И даже не видят. Оттуда, со стороны холла, стекло тонировано в черный цвет. А вы, Элен, неотразимы в своем белом халате,

сексуальны... (*обнимает медсестру сначала за плечи, потом кладет ладонь ей на талию*).

ЭЛЕН. Доктор Смит! Что вы делаете (*притворно отстраняется*). Разве так можно? В присутствии больных...

ДОКТОР СМИТ. Мне кажется, присутствие ЭТИХ, наоборот, возбуждает.

ЭЛЕН (*слабо*). Вы так порочны...

ДОКТОР СМИТ (*вновь кладет свою ладонь*). Порок манит...

ЭЛЕН. Как то самое, пресловутое яблоко?

ДОКТОР СМИТ. Именно. Элен, я весь горю...

ЭЛЕН. Нельзя же так вот, сразу (*кладет ладонь на лоб доктора*). О, действительно жар!

ДОКТОР СМИТ. Снятие его целиком зависит от вас. Вот и кушетка наготове.

ЭЛЕН. Нет, нет. Может быть, потом. А пока - аванс! (*она притягивает голову доктора, целует его, вырывается из объятий и убегает*).

ДОКТОР СМИТ. Хороша, штучка. Правда, стерва порядочная (*на ходу бормочет*). Разве стерва может быть порядочной? (*уходит*).

ЕВА. Он, что, ваш фонарь, только желтым может светить?

АДАМ. Нет, здесь три цвета, как в светофоре (*включает красную лампу*). Только красный я включать не люблю (*выключает красную лампу*).

ЕВА. Почему?

АДАМ. Он мне напоминает ту жизнь, что осталась за стенами этого дома.

ЕВА. Простите, Адам, я не знала, что прошлое вам мучительно вспоминать.

АДАМ. Не извиняйтесь, Ева. Прошлое я как раз забыл, причем, может быть, и навсегда. Так, видятся какие-то отдельные безрадостные куски.

ЕВА. А зеленый?

АДАМ. Что, зеленый?

ЕВА. Зеленый цвет вам нравится?

АДАМ. Да, только он почему-то не включается.

ЕВА. Жаль. Зеленый, наверное, обозначает будущее (*горестно качает головой*). Выходит, будущего у вас нет!

АДАМ. Выходит, так. Только и у вас оно отсутствует, иначе вы бы здесь не оказались.

ЕВА (*встает, ходит по холлу*). А где мне быть, Адам? Желтый дом, даже шторы желтые (*дергает за штору*), впрочем, это свет фонаря.

АДАМ ПЕРЕВОДИТ СВЕТ СО ШТОР.

АДАМ. Здесь – желтое настоящее, в котором мы заперты, как в клетке.

ЕВА. Мы, словно птицы в неволе, верно! Но, тот, кровавый мир и вовсе ужасный.

АДАМ. Да... Вам, не кажется, что рядом, за этой черной стеной, только что кто-то находился?

ЕВА. Я знаю – за нами следили. За мной всегда подсматривают.

АДАМ. Чего им надо?

ЕВА. Я, как канарейка, которая, правда не поет.

АДАМ. Теперь здесь две канарейки, причем, желтые (*встает, подходит к Еве, берет ее руку*).

ЕВА (*вырывает ладонь*). Это нельзя делать!

АДАМ. Почему?

ЕВА. Они (*кивает на стену*) увидят и разлучат нас.

АДАМ. Разлучат? За что?

ЕВА. Канарейкам не дозволено петь в унисон. Каждая птаха должна чирикать на свой, собственный манер.

АДАМ. Как глупо. Но почему нас тогда посадили в одну клетку?

ЕВА. Для изучения, наверно. Они только и ждут изменения в поведении.

АДАМ. И тут же влепят двойку в дневник!

ЕВА. Да, и родителей вызовут. Впрочем, у меня их давно нет.

АДАМ. И у меня, наверно, нет. Вообще-то я и не знаю.

ЕВА. Бедный. У тебя отнято прошлое. Я хоть что-то, помню.

АДАМ (*пробует включить зеленую лампу*). И будущее отсутствует.

ЕВА. Как зеркала.

АДАМ. О чем ты? Вот мы и на "ты"...

ЕВА. Это даже удобнее. Мне, кажется, я тебя давно уже знаю.

АДАМ. И мне. Ты, Ева, вспомнила о зеркалах...

ЕВА. Заметил в своей комнате, что смотреться не во что?

АДАМ. Н-н-ет...

ЕВА. Еще увидишь. Они хотят, чтобы мы были невидимыми.

АДАМ. А как это?

ЕВА. Очень просто. В зеркале ты видишь самого себя, значит, существуешь на самом деле.

АДАМ. Верно.

ЕВА. Отражаясь, мы повторяем себя, свою суть. Можно отражаться и в глазах любимого человека.

АДАМ. Ты потеряла близкого?

ЕВА. Это было давно (*отворачивается*).

АДАМ. А я ничего не помню. Может быть, раньше и не существовал.

ЕВА (*оборачивается к АДАМУ*). Такого не может быть. Все мы имели прошлое, просто оно стало расплывчатым, неярким, как недопроявленная фотография, как эта противная матовая стена.

АДАМ. Ева, за ней есть мир, люди?

ЕВА. Есть, еще более несчастные, чем мы.

АДАМ. Почему, у них тоже нет будущего?

ЕВА. И настоящее прозрачно. Они – управляемые роботы.

АДАМ. Управляемые доктором Смитом?

ЕВА. Нет. Президентами, правительствами, чиновниками.

АДАМ. Интересно (*подходит к стеклянной стене, направляет свет желтой лампы в зал*). Бедные...

ЕВА. Тебе их жаль, Адам?

АДАМ. Да. *(обрадовано, заметив кратковременное включение зеленого цвета)*. Но у них возможно будущее!

ЕВА. А что такое будущее? Не повторение ли оно печального прошлого и безрадостного, тоскливого настоящего?

АДАМ. Ева, не говори так!

ЕВА. А как же иначе?

ЕВА проходит к столу, берет колоду карт, пытается вновь поставить домик, который тут же рассыпается.

ЕВА. Вот, видишь?

АДАМ. Что?

ЕВА. Его нельзя построить.

АДАМ. Карточный домик? А зачем? Можно построить настоящий большой дом *(убежденно)*. Мы сделаем это, и будем жить с тобой долго и счастливо!

ЕВА. А как быть с домом сумасшедших?

АДАМ. Ты имеешь в виду – ЭТОТ *(проводит светом желтого фонаря по сцене)*?

ЕВА. Адам, ты можешь выключить свой дурацкий фонарь?

АДАМ. Почему, дурацкий?

ЕВА. Зачем ты постоянно ходишь с ним?

АДАМ. Я попал в автокатастрофу, не успев проскочить на своей машине на зеленый светофор. После этого у меня и отшибло память.

ЕВА. Прости.

АДАМ. Ничего. А почему у тебя, Ева, слезы на глазах?

ЕВА. Ты остался навсегда в настоящем желтом свете. Да, но может быть, память еще вернется.

АДАМ. И доктор Смит так говорит, вот, правда, за рассудок он не уверен.

ЕВА. А мне, кажется, что рассудок поврежден не у нас, а у тех, кто за этой стеной. Мы-то понимаем свою ущербность, а они – нет, думая, что знают истину, ощущают свое мнимое превосходство над нами. Ты посвети им.

АДАМ. Хорошо *(светит желтой лампой в зал, помахивая фонарем)*. А может, там никого нет?

ЕВА. Есть! Они притаились и наблюдают за нами.

АДАМ *(радостно кричит)*. И зеленый свет для них не включается *(кричит очень громко)*! Эй, ищу человека!

ЕВА *(закрывает ладонью глаза)*. Адам, убери эту штуку!

АДАМ. Почему, Ева?

ЕВА. Нельзя быть мстительными, иначе Бог нас накажет.

АДАМ *(отводит от зала фонарь)*. Он и так нас наказал.

ЕВА. Да, но может и простить, вот и падре Эммануэль об этом говорит.

АДАМ. Здесь есть священник *(язвительно)*? Господь, как и обещал, послал перед концом света Утешителя.

ЕВА. Он совсем недавно появился.

АДАМ. Не люблю всех этих падре.

ЕВА. Отец Эммануэль всегда приветливый, но мне кажется, что он совсем не тот, за которого себя выдает.

АДАМ. Как это понять?

ЕВА. Я и сама не знаю.

ПОЯВЛЯЮТСЯ ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ И ДОКТОР СМИТ.

ДОКТОР СМИТ (указывает пальцем на АДАМА). Это ваш новый прихожанин.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*подходит к воображаемой стене, пристально взглядывается*). Он выглядит вполне нормальным.

ДОКТОР СМИТ. Здесь, дорогой падре, никого без повода не держат. Наше заведение не только привилегированная частная больница. Она больше напоминает превосходный пансионат. Обратите внимание, в каких райских условиях находится пациенты.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. В раю, как и положено – Адам и Ева, а где же другие?

ДОКТОР СМИТ. Другие, как вы выразились, не так нормальны. И, потом, меркантильный интерес никто еще не отменил.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Как учил небезызвестный Маркс: "Деньги – товар – деньги"?

ДОКТОР СМИТ. Не будьте язвительны, святой отец. Как бы мы не старались, но живем все-таки по этой формуле. Кто больше платит, естественно, получает максимум удобств.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*поднимает вверх глаза*). Перед Богом все равны...

ДОКТОР СМИТ. Несомненно, кто против Бога что скажет? Однако, спустимся на грешную землю. Я решил поставить, помимо выгоды, своего рода уникальный эксперимент. Две особи, он и она, подбираются по равным психически-интеллектуальным характеристикам. Конечно же, за ними пристально наблюдают видеокамеры, ведется запись разговоров.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Да, но души, которые абсолютно все знают, подвергаются, выходит, насилию!

ДОКТОР СМИТ. Что с ними станется? Разум-то спит! Но вы, падре Эммануэль, настроены против свободного общения пациентов?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. В психушке, допустим, свободой и не пахнет, но мнение Адама и Евы друг о друге я непременно выясню. Как говорили древние: "Sine ira et studio". "Без гнева и пристрастия".

ДОКТОР СМИТ. Конечно, конечно. Все эти записи никогда не заменят участия, доверительного разговора. Проходите (*отмыкает ключом воображаемую дверь, открывает ее, впуская священника*).

ЕВА (*подбегает*). Падре Эммануэль!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Добрый день, дети мои.

АДАМ (*глухо*). Он не очень-то добрый для нас.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Будет и на вашей улице праздник. Господь Бог не оставит без внимания никого, кто искренне стремится к Нему.

АДАМ. Вы его наместник?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Я слуга Божий, скромный священник.

АДАМ. Понятно. Скромность укрощает. Как и этот живот. Наверное, компота много пьете.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не понял.

АДАМ. Знаете, как в детском стишке: "Компотик давит на животик".

ЕВА. А я подумала про беременность.

АДАМ. Священники беременными не бывают. Им это не разрешается.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Господи!.. Что за вздор!

АДАМ. Простите, падре. Можете ответить на один вопрос?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Постараюсь, сын мой.

АДАМ. Почему, как правило, все слуги божьи такие толстые? Господь вас хорошо кормит?

ЕВА. Адам, ты такой наблюдательный!

АДАМ. Еще бы, эту деталь организма никакая сутана не сможет спрятать.

ЕВА. Да. Как на девятом месяце.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Вы опять за свое. Ну, слегка упитанный, что делать? (*закатывает глаза*) Таким меня сотворил Всевышний.

АДАМ. А других?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Как говорится, хорошего должно быть много.

АДАМ. Понятно.

ЕВА. Жаль. А то бы родились малыши в сутанах.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Чушь! Бред! Какие малыши?

ЕВА. Маленькие падре (*качает воображаемого младенца, поет*). "Спи, мой бэби..."

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*хватается за голову*). О-о-о!..

АДАМ. У вас зуб болит?

ЕВА. Я думаю, уже начались схватки.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Нет! Я не в силах выдержать это (*поворачивается, чтобы уйти*)!

АДАМ БЕРЕТ ФОНАРЬ, НАПРАВЛЯЕТ ЕГО НА ПАДРЕ, ВКЛЮЧАЕТ ЖЕЛТЫЙ СВЕТ.

АДАМ. Падре Эммануэль, у вас спина сзади желтая.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ ПОДХОДИТ К ВООБРАЖАЕМОЙ ДВЕРИ, ДОКТОР СМИТ ОТКРЫВАЕТ ЕЕ, ВПУСКАЕТ ПАДРЕ.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Вы слышали?

ДОКТОР СМИТ. Конечно. Мне было довольно смешно.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. А мне нисколько! У вас найдется что-либо

выпить?

ДОКТОР СМИТ. Пойдемте, налью вам медицинского спирта.

ДОКТОР СМИТ И ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ ВЫХОДЯТ.

АДАМ. Ева, ты доконала его.

ЕВА. Чем?

АДАМ. Своими предположениями насчет "интересного положения" нашего святоши.

ЕВА. Мне просто хотелось немного посмеяться и заодно отвлечь тебя от невеселых мыслей.

АДАМ. И тебе это удалось!

ЕВА. А вообще-то падре Эммануэль всего лишь толстячок. И вовсе не беременный!

АДАМ. Конечно. Я это сразу понял. Мне он тоже понравился (*копирует падре*). "Я слуга Божий, скромный священник".

ЕВА. От скромности он не умрет. Но доктору Смиту обязательно доложит.

АДАМ. О нашем безнравственном поведении? Но мы же дураки.

ЕВА (хлопает в ладоши). Дурак и дурища! Как прекрасно!

АДАМ. Почему?

ЕВА. Этот статус освобождает нас от условностей. Можно смело говорить, что хочешь, что думаешь. Такое, видимо, и было поначалу в раю. Лгать не надо было!

АДАМ. А потом появился дьявол...

ЕВА. И мы с тобой вкусили яблоко от древа знаний...

АДАМ. Мы?

ЕВА. Кто же еще? Мы с тобой и ответственны ныне за все, что творится в мире.

АДАМ. Я знаю, что ничего не знаю.

ЕВА. Кто это сказал?

АДАМ. Не помню. Какой-то умный древний грек.

ЕВА. Древние были мудрее. Нет, не умнее! Ум никогда еще не приводил человека к цельности, к прозрению истины. Видеть ее, чувствовать можно только сердцем.

АДАМ. Ты права. Я когда-то знал очень многое. Но был ли счастлив? Нет!

ЕВА. А сейчас?

АДАМ. Может быть – да. Что такое счастье? Это – покой. Ты, Ева, права. Рай находится внутри нас, в самой сокровенной глубине.

ЕВА. К сожалению, там же расположен и ад.

АДАМ. Ад?

ЕВА. Да. Рай и ад соседствуют в человеке. И важно не впустить дьявола в свое сердце.

АДАМ. Важно не потерять себя, собственную душу. Иначе... беспросветный ад.

ЕВА. Выходит, дуракам жить легче.

АДАМ. Выходит, так.

ЕВА (*хлопает в ладоши*). Прекрасно! Выключи хоть на время фонарь.

АДАМ. Не могу. В меня что-то вошло.

ЕВА. Мысли?

АДАМ. Да. Ты знаешь, что означает "Адам" на древнееврейском языке?

ЕВА. Нет.

АДАМ. Красный! Так как первый человек был слеплен Богом из красной глины (*включает красный свет, направляет фонарь на себя*). Похоже?

ЕВА. Ты меня пугаешь! Не надо!..

АДАМ. От прошлого, Ева, не убежать. Оно настигает человека в любой момент.

ЕВА. Не говори про это. Выключи!

АДАМ. Слушаюсь, моя прекрасная леди (*выключает фонарь*). Что изменилось? Ничего. Ужасное, кровавое прошлое осталось в памяти, а желтое настоящее...

ЕВА (*закрывает ему рот ладонью*). Молчи, Адам...

ПОЯВЛЯЮТСЯ ДОКТОР СМИТ И ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. ПАДРЕ ПЬЯН.

ДОКТОР СМИТ. Вам, надеюсь, стало лучше?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Намного. Недаром, одно из латинских изречений гласит: "In vino veritas", что означает: "Истина в вине". Также верно, что "De veritus non disputandum". "Об истине не спорят". Благословенны пьющие, ибо они узрят царствие божие... Прости, Господи, и чего это я говорю?

ДОКТОР СМИТ. Действительно, в священном писании нет таких слов.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. "Dixi et animam levavi". "Сказал и облегчил тем душу".

ДОКТОР СМИТ (тихо). А она у тебя есть? Сомневаюсь... (*громко*) Падре, вам надо отдохнуть.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Умные слова, док. И, к тому же, вовремя сказаны (*бормочет, уходит*). "Est modus in rebus". "Есть мера в вещах".

ДОКТОР СМИТ. По-моему, ты меры не знаешь. Каждый день вот так. Однако, что там делают наши голубочки?

ДОКТОР СМИТ ПОДХОДИТ К ВООБРАЖАЕМОЙ СТЕНЕ.

ЕВА. Адам, у тебя плохое настроение?

АДАМ. Да. Мне вспоминается прошлое.

ДОКТОР СМИТ. Ого! Это довольно интересно!

ЕВА. И что же ты вспомнил?

АДАМ. Кажется, я был художником.

ДОКТОР СМИТ. Давай, выкладывай всё, что есть в глупой твоей голове!

ЕВА. Как интересно!

АДАМ. Что, интересно?

ЕВА. Ты был художником, значит рисовал?

АДАМ. Конечно, рисовал.

ЕВА. Голых женщин?

АДАМ. В том числе и их.

ЕВА. А ты меня смог бы изобразить?

АДАМ. В голом виде?

ЕВА. Фу, как ты груб! Просто нарисовать, как есть, в этой одежде, только чтобы она была зеленой.

АДАМ. У меня, как у Пикассо, будет, правда не голубой, но зеленый период... Нет, не получится.

ЕВА. Почему?

АДАМ. Зеленый свет не включается. А я уже забыл, каков он на самом деле.

ЕВА. А ты посмотри в мои глаза.

ДОКТОР СМИТ. Дожимай, дожимай этого мазилку!

АДАМ (*подходит близко к Еве, смотрит в ее глаза*). Да. Действительно... они - зеленые!

ЕВА. Вот, видишь, и фонарь твой не нужен.

АДАМ. Правда, не нужен (*отстраняет фонарь*).

АДАМ И ЕВА СТОЯТ И МОЛЧА, СМОТРЯТ ДРУГ НА ДРУГА.

ДОКТОР СМИТ. Ну, вот, лирика пошла...

ВХОДИТ ЭЛЕН.

ЭЛЕН. Доктор Смит, что это они? Застыли, как влюбленные. Интересно, сумасшедшие могут влюбляться?

ДОКТОР СМИТ. В некоторых женщин влюбиться может только сумасшедший.

ЭЛЕН. Это, что? Намек не меня?

ДОКТОР СМИТ. Нет, нет. Вы, Элен, способны увлечь любого, даже мертвого.

ЭЛЕН. Фи-и!.. Мертвый мне не нужен. Какой с него прок? (*вглядывается в воображаемую стену*) Смотрите, они разошлись по углам.

ДОКТОР СМИТ. К сожалению, всё осталось по-прежнему. "In statu quo ante".

ЭЛЕН. Что, что, я не поняла?

ДОКТОР СМИТ. Ничего, я просто констатирую факт.

ЭЛЕН. Факт? Какой?

ДОКТОР СМИТ. Факт очередной неудачи. Вы подежурьте здесь, посмотрите, послушайте, что к чему.

ЭЛЕН. Хорошо. Только что надо выявить?

ДОКТОР СМИТ. Всё, что касается прошлой жизни этого пациента (указывает пальцем в сторону воображаемой перегородки).

ДОКТОР СМИТ ВЫХОДИТ.

ЭЛЕН. Какой болван! Он думает, я ничего не знаю. (достаёт из кармана халата фотокарточку, целует ее). Мама!.. Если бы не сумасшедшие деньги для твоей операции, разве бы я стала такой, какова сейчас? (смотрит на распятие, что находится за *ВООБРАЖАЕМОЙ* стеной, торопливо перекрещивает лоб). Господи, прости меня...

ЭЛЕН ПРЯЧЕТ ФОТОКАРТОЧКУ, НА ЦЫПОЧКАХ ПОДХОДИТ К ТОМУ МЕСТУ, КУДА ВЫШЕЛ ДОКТОР СМИТ, ВСЛУШИВАЕТСЯ.

ЭЛЕН. Ушел... а я пока я еще раз внимательно просмотрю медицинскую карту этого Адама.

ЭЛЕН ВКЛЮЧАЕТ КОМПЬЮТЕР, ВССМАТРИВАЕТСЯ В МОНИТОР. ЗАТЕМ ДОСТАЕТ ЖУРНАЛ, ИЗУЧАЕТ В НЕМ ЗАПИСИ.

ЭЛЕН (выключает компьютер, кладет на место журнал). Ничего, ни малейшей зацепки.

ВХОДИТ ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Наш доктор на обед уехал. Нашла чего-нибудь?

ЭЛЕН. Нет. Я перерыла всё. А у вас, святой отец, какие успехи?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Пока тоже по нулям. Ты, Элен, постарайся поймать этого дурачка при помощи сладкой ловушки.

ЭЛЕН. Не поняла.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Так на языке разведчиков называется соблазнение кого-либо из стана противника с целью опорочить в дальнейшем.

ЭЛЕН. Я должна переспать с доктором?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Чего бы и нет? Он молод, полон сил.

ЭЛЕН. Да, но я люблю тебя, Альфред.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (прикладывает указательный палец к губам). Тихо!.. Ты еще закричи, что я не святой отец, а бывший разведчик.

ЭЛЕН. Слушаюсь, господин бывший шпион! Кстати, за что вас вытурили из того знаменитого тайного заведения?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Многого хочешь...

ЭЛЕН. Знаю, Альфред, тебя попросили, потому что ты был двойным агентом. Так?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Почти. Я был – тройным! Но теперь благообразный

пенсионер. И не Альфред, хотя бы здесь... Ты отвечай, как насчет моего предложения?

ЭЛЕН. Ловушка в полном порядке...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Давай без шуток!

ЭЛЕН. Хорошо. Но ты будешь ревновать?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Ревность – помеха делу. А оно – превыше всего.

ЭЛЕН. Дело... Деньги!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Именно? Что мы без баксов или евриков? Пыль! А с зелеными тотчас обретаем будущее! Видишь, как этот чертов Смит старается? Тоже хочет урвать превеликий кусок будущего.

ЭЛЕН. Да, но мне предстоит в ловушку его завлечь...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. В сладкую, Элен, уж я то знаю! Конечно, мне это не совсем приятно, но впереди перспектива: я хочу купить по сносной цене дом в престижном районе города и иметь постоянный и ощутимый доход. Естественно, рядом любящая жена.

ЭЛЕН. Раз ты намерен использовать меня в отношении доктора соответствующим образом, давай изменим условия. Надеюсь, ты не отвел мне в безмятежно-розовом будущем перспективу стать твоей женой?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Пока, Элен, женитьба – слишком далекая перспектива, тем более, что мы в своих поисках почти не продвинулись.

ЭЛЕН. Не думаю, что я буду вдохновлена на замужество с тобой после столь грязного предложения.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не спеши. Наличие денег сделает тебя намного сговорчивей. Неужели ты забудешь старого Альфреда, с которым прокручено не одно грязное дело. Тебе и так уже не отмыться, как бы ты не старалась. Думаешь, сумеешь, охмурить какого-либо наивного юношу? Ты запачкаешь всё, к чему только прикоснешься!

ЭЛЕН. Да, я грязная шлюха! Но кто сделал меня такой?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не понял, выходит, во всем виноват я? Бедная девочка попала в лапы старого развратника. Да ты мне сто очков форы в этой отрасли можешь дать! Я, можно сказать, отшлифовал, огранил алмаз, превратив его в секс-брильянт, по правде сказать, превосходный. Кстати, ты обмолвилась о новых условиях. О чем они?

ЭЛЕН. О нашем договоре. Мне предстоит трудная и гнусная роль.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Постой, постой! Мне тоже общение с доктором боком выходит: я вынужден пить спирт, изображать пьяного. И это с моей больной печенью!

ЭЛЕН. А мне общаться не боком...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не иронизируй.

ЭЛЕН. Шестьдесят на сорок!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Чего?

ЭЛЕН. Мне – шестьдесят процентов, тебе – сорок.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Нет! Только через мой труп! Пятьдесят на пятьдесят.

ЭЛЕН. Ладно.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Мы с тобой делим шкуру неубитого медведя. А медведь-то хорош... Говорят, этот художник настоящий гений. А теперь, когда все узнают о его безумии, картины и вовсе будут стоить бешеные деньги.

ЭЛЕН. Да. Нам есть за что драться, святой отец.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. "Vox populi vox Dei" "Глас народа – глас Божий".

ЭЛЕН. Это я - народ?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*обнимает ее*). Да, моя прелестница!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же холл психиатрической больницы, только воображаемая стеклянная стена завешана. В холле РЕПОРТЕРЫ с телекамерой, фотоаппаратами. Доктор Смит и Элен безуспешно пытаются выдворить их.

ДОКТОР СМИТ. Назад!.. Охрана!..

ЭЛЕН. Безобразие! Кто вам позволил врываться сюда? Это частное заведение!

ПЕРВЫЙ РЕПОРТЕР. Доктор Смит, скажите, в вашей больнице лечится знаменитый художник Виктор Петров?

ВТОРОЙ РЕПОРТЕР (*вспышка*). Мистер Смит, повернитесь к вашей очаровательной медсестре.

ТРЕТИЙ РЕПОРТЕР. Пару слов для журнала "Спич". Всего лишь, пару слов!

ВХОДИТ ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Что здесь происходит?

ЭЛЕН. Падре, помогите!

ДОКТОР СМИТ. Куда запропастилась охрана?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*закатывает рукава сутаны*). А я для чего? Господи, прости меня грешного...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ ХВАТАЕТ ЗА ШИВОРОТ ПЕРВОГО РЕПОРТЕРА, ВЫШВЫРИВАЕТ ЕГО ИЗ ХОЛЛА, ЗАТЕМ ВЫШВЫРИВАЕТ ВТОРОГО. ТРЕТИЙ РЕПОРТЕР ВЫСКАКИВАЕТ САМ.

ДОКТОР СМИТ. Спасибо, святой отец.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*закатывает глаза*). Возблагодари Господа нашего, сын мой.

ДОКТОР СМИТ. Ловко вы их, однако.

ЭЛЕН. За шкуру, и как щенков! Я схожу, посмотрю, что с репортеришками дальше стало.

ДОКТОР СМИТ. Да, Элен.

ЭЛЕН ВЫХОДИТ. ПАДРЕ И ДОКТОР СМИТ СМОТРЯТ ЕЙ ВСЛЕД.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*подмигивает*). Хороша, штучка, а, док?

ДОКТОР СМИТ (*сдержанно*). Приятная молодая особа.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. И только?

ДОКТОР СМИТ. На что вы намекаете, падре Эммануэль? У нас с Элен чисто деловые отношения.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Простите, доктор, вы давно были на исповеди?

ДОКТОР СМИТ. Давно, а, что?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Садитесь. У нас будет долгий разговор, считайте его за исповедь.

ДОКТОР СМИТ. Исповедь? Вижу, вы, падре, задумали нечто нехорошее.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Смотря для кого.

ДОКТОР СМИТ И ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ САДЯТСЯ.

ДОКТОР СМИТ. Слушаю вас.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Я не зря спросил вас об Элен.

ДОКТОР СМИТ. Я вам ответил.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не всё. Самое главное вы упустили.

ДОКТОР СМИТ. А именно?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. У вас с мисс Элен связь.

ДОКТОР СМИТ (*вскакивает*). Какой бред!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Садитесь. Посмотрите любопытные снимки (*достает из-за пазухи сутаны фотографии*). О, кажется, я даже узнаю вот эту кушетку.

ДОКТОР СМИТ (*выхватывает снимки*). Дайте сюда? (рассматривает, затем отшвыривает снимки). Что за мерзость?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (берет один из снимков). Не скажите, док. Какая фигура у этой медсестры! А эти аппетитные округлости способны даже мертвого повергнуть в священный трепет. Я всегда говорил, что у вас отличный вкус. Представляете, док, если бы фотографии стали предметом лицемерия широкой общественности?

ДОКТОР СМИТ. Что вам надо от меня?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Слышу голос делового человека. Как вы уже понимаете, мы ищем одно, и то же.

ДОКТОР ЭММАНУЭЛЬ. И что же мы ищем, СВЯТОЙ ОТЕЦ?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Какой сарказм... Да, я действительно не получил назначение из конгрегации, но свою роль я выдержу до конца. Попрошу вас и впредь относиться к моему сану с подобающим уважением. Однако, мы уклонились от темы. Мы с вами, уважаемый док, ищем картины этого человека (*указывает рукой на шторы*).

ДОКТОР СМИТ. Допустим... Но что из этого?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Я предлагаю сотрудничество.

ДОКТОР СМИТ. Ну... считайте, предложение принято. Но, как вы умудрились сделать эти ваши снимки?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Вчера, во время предварительного знакомства с вашим заведением, я незаметно прикрепил небольшую камеру видеонаблюдения. А вот и она, милая крошка (*подходит к столу, отцепляет крохотную камеру, демонстрирует ее доктору и кладет в карман*).

ДОКТОР СМИТ. Да, вы еще тот тип...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*смеется*). Истинное дитя времени!

ДОКТОР СМИТ. Дитя... Грабитель... ладно, в какой пропорции вы предлагаете сотрудничество?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Весь барыш – пополам.

ВХОДИТ ЭЛЕН.

ЭЛЕН. Что я слышу, Альфред? А где же я?

ДОКТОР СМИТ. Альфред? Это ваше настоящее имя, падре Эммануэль?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Дура! Сколько раз талдычил тебе: не повторяй мое имя всуе.

ДОКТОР СМИТ. Как имя Господа?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Богохульник... А ты – предательница.

ЭЛЕН. Я? Кто только что предлагал пятьдесят процентов, что положены мне, согласно нашего договора?

ДОКТОР СМИТ. Это становится интересным.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Дамы и господа! Давайте заключим конвенцию: каждому поровну! Двадцать восемь шедевров спрятаны где-то этим недоумком. На всех хватит до конца жизни.

ДОКТОР СМИТ. Я согласен.

ЭЛЕН. Я согласна.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. И я – "за". По рукам!

ВСЕ ТРОЕ ПРОТЯГИВАЮТ ПРАВУЮ РУКУ И КЛАДУТ КАЖДЫЙ СВОЮ НА ДРУГУЮ.

ДОКТОР СМИТ. Втроем мы, я уверен, справимся с поставленной задачей. Я как раз страдал от отсутствия напарников.

ЭЛЕН. Вы обрели их, мой шалунишка...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Заметьте – верных друзей!

ДОКТОР СМИТ. Еще бы... Это надо отметить. Сейчас принесу шампанское.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Конечно, не этот противный спирт, чем вы спаивали меня.

ДОКТОР СМИТ ВЫХОДИТ.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Ну, малышка, ты отлично справились с заданием. И ловушка не стерлась (*хватает Элен за бедро*). Я так по тебе соскучился! Хотя, ты уже вчера успела заманить этого напыщенного индюка в ловушку. А еще упиралась, мол, мне надо ею расплачиваться!

ЭЛЕН (*отворачивается*). Отстань, Альфред, сейчас не время для этих игр. И, вообще, мне всё это порядком надоело. Я устала притворяться, быть подстилкой для тебя и доктора Смита.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Опять ты за свое. Тебе, что ли, больше не дорога твоя смертельно больная мать? За те деньги, что крутятся возле нашего гения Адама, ты можешь напрочь забыть о химере, именуемой совестью. Выше голову, Элен! А для меня это будет последнее дело: старому Альфреду пора на покой.

ЭЛЕН (*подхватывает*). А пока будем продолжать играть бездарные роли?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Почему бездарные? У нас все отлично получается.

ЭЛЕН. Да, но теперь нас трое.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Ну и что?

ЭЛЕН. Как, что? Трое – не двое!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Мы друг без друга – ноль! Это надо всем нам признать. Конечно, если мы сумеем сами найти разгадку...

ЭЛЕН. Моя интуиция подсказывает, что у доктора на руках есть еще козыри. Кто эта Ева? Не кажется ли тебе, святой отец, что она как бы специально приставлена к Адаму?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. В твоих словах имеется некоторый смысл, моя дочь...

ВХОДИТ ДОКТОР СМИТ С БУТЫЛКОЙ ШАМПАНСКОГО И С ТРЕМЯ ФУЖЕРАМИ.

ДОКТОР СМИТ. Я прослушал из ординаторской ваш разговор, уважаемые друзья-напарники. К счастью, я в свое время везде установил "жучки".

ЭЛЕН (*падре Эммануэлю*). Вот видите, падре, каков он?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Спокойно, Элен. Мы стоим друг друга. И должны быть вместе. Не таково ли резюме моей беседы с этой очаровательной малышкой?

ДОКТОР СМИТ. Я, в общем-то, удовлетворен вашими аргументами, святой отец. Хотя наша МАЛЫШКА была куда более агрессивной.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Таковы все женщины, доктор Смит. Сегодня они ласковы с вами, а завтра готовы предать с любым первым встречным.

ЭЛЕН. Я не такая!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Конечно, ты на один евро дороже.

ЭЛЕН. Хам!

ДОКТОР СМИТ. Успокойся, Элен. Давайте выпьем.

ЭЛЕН (*остывая*). Да, пожалуй...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. "Ergo bibamus!" "Итак, выпьем!"

ДОКТОР СМИТ. Где вы научились латыни?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. В коллегии иезуитов.

ДОКТОР СМИТ (*раскупоривает бутылку, разливает шампанское в фужеры*). Ого! Вы на самом деле заслуживаете право называться святым отцом.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (горделиво). А вы еще сомневались, док? За плодотворное сотрудничество!

ВСЕ ТРОЕ ВЫПИВАЮТ.

ДОКТОР СМИТ. Что с репортерами, Элен?

ЭЛЕН. Охрана выставила их за пределы территории.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Это плохо, что пресса взяла след. Теперь борзописцы нас не оставят в покое.

ДОКТОР СМИТ. Из всего можно извлечь выгоду. Я положил газету, где сообщено о пропавшем художнике туда (*указывает рукой на шторы*).

ЭЛЕН. Что это даст?

ДОКТОР СМИТ. Как доктор, я надеюсь пробудить воспоминания художника.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Вы правы. Хороший ход. Только нельзя ли убрать от вашего Адама фонарь? Он мне действует на нервы.

ДОКТОР СМИТ. Нельзя, святой отец. Попечительский совет настоял на этом устройстве: они хотят, воздействуя цветом, возродить талант художника. Поэтому я, как крупный специалист, работаю с этим парнем один. Нельзя больше никому воздействовать на большую психику гения.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. А Ева? Кто она?

ЭЛЕН. Да! Почему она и Адам так много времени проводят вместе?

ДОКТОР СМИТ. Это эксперимент! Он засекречен!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Кем? Попечительским советом?

ДОКТОР СМИТ. Лично мною.

ЭЛЕН. Объяснитесь, док! Ну, смелее, здесь все свои.

ДОКТОР СМИТ. Когда мистер Петров, придя в себя, назвал себя Адамом, я подумал, что неплохо бы дать ему, следуя элементарной логике, в спутницы Еву. Адам и Ева!.. Сюжет из священного писания.

ЭЛЕН. Она – ваша жена!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Кто?

ЭЛЕН. Ева!

ДОКТОР СМИТ (*отшатывается*). Как ты узнала?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Забавно... Отвечай, Элен.

ЭЛЕН. Женщины, которых вы так грубо раскритиковали, падре Эммануэль, тоньше и чувствительней мужчин. По некоторым неосторожным взглядам нашего доктора я начала прозревать. А потом, это неумное сексуальное возбуждение. Она там, за стеной, нас не видит, но тем не менее...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*берет ладонь Элен в свою, целует*). Я тебя явно недооценил. Итак, надеюсь, все карты раскрыты, и можно приступить к

составлению диспозиции. Давайте еще по одной дернем. Шампанское мне нравится намного лучше спирта. Впрочем, "De gustibus non disputandum". "О вкусах не спорят".

ДОКТОР СМИТ РАЗЛИВАЕТ ШАМПАНСКОЕ. ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ ПОДХОДИТ К ШТОРАМ, РАЗДВИГАЕТ ИХ, ВГЛЯДЫВАЕТСЯ В АДАМА И ЕВУ.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Адам и Ева... Такие же, как я падре Эммануэль. Ну, и дела... "Nomina sunt odiosa" "Не будем называть имен".

ЭЛЕН. Святой отец, пора...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Иду, иду (*подходит к столу, берет фужер*). "Alea jacta est". "Жребий брошен", господа удавы!

ЭЛЕН. А почему удавы? Мне не хочется быть такой... извивающейся.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Все мы хищники на большой охоте.

ДОКТОР СМИТ. Вы, падре очень правильно нарисовали психологический портрет присутствующих.

ЭЛЕН. А ваша жена, доктор, тоже хищница.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Конечно, но только, видимо, более опасная, чем мы. Кобра, которая усыпляет жертву погремушкой на своем хвосте.

ЭЛЕН. Как страшно!

ДОКТОР СМИТ. Таковы будни хищников всех мастей. Как говорит латынь: "Каждому свое". "Suum cuique".

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. А вы где обучались латыни?

ДОКТОР СМИТ. В медицинском колледже святого Патрика. Там это обязательная дисциплина. За хищников!

ЭЛЕН. Чудесно! На облаве хищники нередко объединяются. За наше единство!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. За союз хищников! Прозит!

ВСЕ ТРОЕ ВЫПИВАЮТ.

ДОКТОР СМИТ. Все детали давайте обговорим в другом помещении, где наверняка нет никаких подслушивающих устройств. Я не уверен, может быть, еще кто-либо заинтересован в раскрытии тайны Петрова. Неделю назад, кстати, приходил инспектор Гаррисон и задавал не очень приятные вопросы.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Инспектор Гаррисон весьма серьезный полицейский. Он один из немногих, которых я уважаю. Давайте пройдем в морг.

ДОКТОР СМИТ. Отличная идея!

ЭЛЕН. В морг? Но, там же эти...

ДОКТОР СМИТ. На нашем языке – жмурики. Сочетают все свойства знаменитых трех китайских болванчиков, из которых один ничего не видит, другой не слышит, а третий не говорит.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Крошка, ты раз и навсегда должна уяснить:

мертвые не кусаются.

ДОКТОР СМИТ (*подхватывает*). И не ласкаются.

ЭЛЕН. Но... Может всё-таки можно найти более приятное место?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Элен!

ЭЛЕН (*вздыхает*). Хорошо, идем в морг.

ВСЕ ТРОЕ УХОДЯТ.

ЕВА (указывает рукой на воображаемую стену). Там был ОН. Я всегда ощущаю его присутствие.

АДАМ. Кто - он? Доктор Смит?

ЕВА. Да. Адам, я должна сказать тебе нечто о нем и о себе...

АДАМ. Не надо, это будет грустная исповедь.

ЕВА. Откуда ты знаешь?

АДАМ. За время, проведенное с тобой, я хорошо изучил тебя, Ева.

ЕВА. Выходит, ты не советуешь мне рассказывать о своей жизни до этих стен?

АДАМ. А зачем, если тебе самой неприятно?

ЕВА. Да, очень неприятно.

АДАМ. Тогда поговорим о другом. Цвет. Меня до сих пор он волнует.

ЕВА. Волнует? Ты был художником.

АДАМ. Так говорят.

ЕВА (*разворачивает одну из газет*). И пишут! Смотри, это – ты!

АДАМ (равнодушно). Так что там сообщено?

ЕВА (читает). "Знаменитый художник, ярчайший колорист современности Виктор Петров, одиннадцать лет назад эмигрировавший из России, после памятной автокатастрофы находится на излечении в частной психиатрической больнице, расположенной невдалеке от небольшого городка... Виктор Петров... Ты не Адам, а Виктор... И я не Ева, а...

АДАМ. Нет! Забудь о прошлом! Лживые газеты!

ЕВА. Адам, прости (*отшвыривает газеты*).

АДАМ. Успокойся, Ева. Мне нечего прощать. Ты не совершила ничего предосудительного.

ЕВА. Пожалуй, да... Я сюда попала (*наклоняется к Адаму, шепчет что-то ему на ухо*)...

АДАМ (*гладит своей ладонью ладонь Евы*). Бедняжка. Тебе столько пришлось пережить. Но почему ты говоришь об этом шепотом?

ЕВА. Здесь стены имеют уши. Особенно вот эта.

ЕВА ВСТАЕТ ИЗ-ЗА СТОЛА, ПОДХОДИТ К ВООБРАЖАЕМОЙ СТЕНЕ, ТРОГАЕТ СТЕНУ РУКОЙ.

ЕВА. Это - стена равнодушия.

АДАМ ТАКЖЕ ПОДХОДИТ К СТЕНЕ, ТРОГАЕТ ЕЕ РУКОЙ.

АДАМ. Стена боли, стена плача. Нет, стена плача, кажется, в Иерусалиме.

ЕВА. Адам, ты бывал там?

АДАМ. Да, сто лет назад.

ЕВА. Как сто лет? Ты еще совсем не старьей.

АДАМ. Лишь внешне. Вот и время отгорожено этой стеной. Ты, Ева, была когда-нибудь за ней?

ЕВА. Не помню. Сюда всегда приходил доктор Смит с медсестрой Элен, а совсем недавно появился падре Эммануэль. Он тоже приходит ОТТУДА.

АДАМ. Может, за стеной нет никакой жизни? А все ЭТИ – кажущиеся люди?

ЕВА. Как призраки?

АДАМ. Нет. Тени.

ЕВА. Тени? Интересно... Но доктор Смит, Элен и падре разговаривают. А тени всегда бессловесны, всегда молчат.

АДАМ. Это тени-мутанты.

ЕВА. Мутанты? Как страшно: они испоганили даже тени...

АДАМ. Не бойся. Когда мы с вместе, тебе ничего не грозит. Я включу лично для тебя зеленый свет.

АДАМ И ЕВА ВОЗВРАЩАЮТСЯ К СТОЛУ. АДАМ ВКЛЮЧАЕТ ФОНАРЬ. НА МГНОВЕНЬЕ ВСПЫХИВАЕТ ЗЕЛЕНЬ СВЕТА.

АДАМ (*радостно*). Видела, Ева? Он был!

ЕВА. Да, был. Я рада за тебя.

АДАМ. А за себя?

ЕВА. А есть ли я на самом деле? Где зеркала?

АДАМ. А ты посмотри в мои глаза. В них найдешь свое отражение.

АДАМ И ЕВА СМОТРЯТ В ГЛАЗА ДРУГ ДРУГА.

ЕВА. Вижу! Я отражаюсь, следовательно, я существую! Теперь осталось сложить домик. А мне до сих пор это пока никак не удавалось.

АДАМ. Я помогу тебе.

АДАМ И ЕВА ОТХОДЯТ, САДЯТСЯ ЗА СТОЛ И НАЧИНАЮТ СКЛАДЫВАТЬ В ЧЕТЫРЕ РУКИ КАРТОЧНЫЙ ДОМИК.

ЕВА. Получилось! Это наш с тобой домик.

АДАМ. Он не желтый.

ЕВА. Не напоминай об этом. Ой, развалился...

АДАМ. Ничего, может быть мы когда-нибудь построим с тобой настоящий.

ЕВА. Тихо... Они слышат.

АДАМ. Они?

ЕВА. Ну, да, наши тюремщики.

АДАМ. Нет, мы с тобой по-настоящему свободны. Это они, вернее их души, заперты наглухо (*включает фонарь*). Смотри, Ева, там все желтое.

ЕВА. Они на самом деле безумны?

АДАМ. Да, так как желают денег и власти. Но, даже имея всё это, они никогда не будут счастливы.

ЕВА. Почему, Адам?

АДАМ. Счастлив лишь тот, кому больше желать нечего.

ЕВА. А у меня тоже есть желание.

АДАМ. Какое?

ЕВА. Наклонись (*шепчет что-то Адаму на ухо*).

АДАМ. Это прекрасно... И я хочу того же.

ЕВА. Значит, мы не будем счастливы?

АДАМ. Будем, потому что наше желание исключает обладание. Оно слишком чисто.

ЕВА. А чистота – залог здоровья?

АДАМ. Да. Причем не только здоровья тела, но и души, для которой нужна особая чистота.

ВХОДЯТ ДОКТОР СМИТ, ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ И ЭЛЕН.

ДОКТОР СМИТ. Слышали? Они шепчутся! К счастью, у меня повсюду ведется контроль.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Ваша аппаратура вряд ли сможет зафиксировать шепот. Вам надо бы ранее проконсультроваться со мной.

ЭЛЕН. Еще бы, у тебя такой стаж!..

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Элен!

ЭЛЕН. Молчу.

ЕВА. Они пришли.

АДАМ. Я им сейчас посвечу (*включает фонарь*).

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Хотел бы я понять, что означает данное действие подопытного.

ЭЛЕН. Шизик! Что с него взять.

ДОКТОР СМИТ. Не так все просто, Элен. ЭТИ стали разговаривать намного осмысленней.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не хотите, ли сказать, док, что они на пути к выздоровлению?

ДОКТОР СМИТ. Нет, нет. До нормального состояния им еще очень далеко.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Да и вы, доктор Смит, не допустите выздоровления этой парочки.

ДОКТОР СМИТ. Естественно! Есть специальная медикаментозная методика.

ЭЛЕН. Наркотики?

ДОКТОР СМИТ. И наркотики тоже.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. А может призвать на помощь нашего Господа?
(закатывает глаза) Он, известно, милостив и всеблаг. Да не оставит Он нас, сырых и убогих без Своего покровительства.

ЭЛЕН (хлопает в ладоши). Bravo, Альф... простите, падре Эммануэль.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Прощаю, дочь моя. Отоприте, сын мой, дверь к страждущим исцеления. "Perculum in mora". "Опасность в промедлении".

ДОКТОР СМИТ. (подходит к воображаемой двери, восхищенно). Ну, вы и...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Прохиндей?

ДОКТОР СМИТ. Вы сами так себя назвали.

ЭЛЕН. О, падре особенный человек!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Жулик, как и все мы здесь находящиеся.

ДОКТОР СМИТ. Позвольте, милейший, как вас там... Это же грубо.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Зато точно, док. Я пошел.

ЭЛЕН. С Богом.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ, ВХОДИТ В ХОЛЛ.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Добрый день, дети мои.

ЕВА. Добрый день, святой отец.

АДАМ. Отец-молодец...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Вы что-то сказали, сын мой?

АДАМ. А где Святой Дух?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не понял.

АДАМ. Принцип Троицы: Отец, Сын и Святой Дух, верно?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Верно. Однако, вы шутник, Адам. Святой Дух нечто эфемерное, неосязаемое. Он, может быть, и незримо присутствует сейчас, наблюдая за нами. Кстати, Адам – не ваше законное имя. Ведь вас звать Виктор?

АДАМ. Допустим. И что из этого?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Ничего. Я присяду, с вашего разрешения.

Потолкуем о том, о сем...

ЕВА. Конечно же, падре. Будьте как дома. У вас имеется дом?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Вообще-то есть.

АДАМ. Он желтый?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Нет. Мой дом обычный, как у миллионов сограждан, но мне очень хочется, чтобы он стал когда-нибудь, как говорится, полной чашей.

ЕВА. Вы счастливчик, как и миллионы сограждан. А вот мы с Адамом...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. О вас, конкретно, я и хотел поговорить.

АДАМ. О чем именно?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Святая церковь просит своих чад быть окровавленными с ее полномочными представителями.

АДАМ. Вы на священника, падре, совсем не похожи.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. А на кого я похож?

АДАМ. На мясника.

ЕВА. Адам!

АДАМ. Да, ЕВА.

ЕВА. Зачем ты так? Падре Эммануэль похож на побитого пса.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*вскакивает*). Вы, что? Совсем обалдели? Мясник!
Побитый пес!

ЭЛЕН (стоя за воображаемой стеной). Ну и дураки (*смеется*)! Уморили!..

ДОКТОР СМИТ. Да, с ними не соскучишься. Бесплатный концерт (*обнимает Элен за талию*)! Может, развлечемся еще и иным способом?

ЭЛЕН. Отстаньте, доктор. Там – наш сообщник. А вдруг он захочет вернуться?

ДОКТОР СМИТ. Мы ему не откроем.

ЭЛЕН. Но, он же стучать начнет! Нет.

ДОКТОР СМИТ. Жаль.

ЭЛЕН. Потом, док...

ДОКТОР СМИТ. Намек понял. Моя несравненная...

ЭЛЕН. Вы и своей жене такое говорили, а в итоге...

ДОКТОР СМИТ. Что, в итоге?

ЭЛЕН (*показывает пальцем*). Туда ее.

ДОКТОР СМИТ. Она же с явным приветом. А вот ты... божественная...

ЭЛЕН (*отстраняется*). Я же сказала: потом. Кстати, доктор, что вы будете делать с большими деньгами?

ДОКТОР СМИТ. Открою фешенебельную лечебницу для элитных пациентов.

ЭЛЕН. Вот как? А я думала, будете просто жить в свое удовольствие. Я поняла: вам нужна власть! Хотя бы над несчастными больными!

ДОКТОР СМИТ. Ты проницательна...

ДОКТОР СМИТ ОТХОДИТ К АППАРАТУРЕ, ВОЗИТСЯ С НЕЙ. ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ БЕЗУСПЕШНО ПРОБУЕТ СЛОЖИТЬ КАРТОЧНЫЙ ДОМИК. АДАМ И ЕВА НАБЛЮДАЮТ ЗА ЕГО ДЕЙСТВИЯМИ.

ЭЛЕН (*бормочет*). Похотливый козел, к тому же властолюбивый.

ДОКТОР СМИТ. Ты что-то сказала, Элен?

ЭЛЕН. Я сказала: вы, док, приятный во всех отношениях молодой мужчина.

ДОКТОР СМИТ. Во всех отношениях?

ЭЛЕН. Абсолютно во всех.

ДОКТОР СМИТ. Тогда, зачем тебе этот старый, облезлый бабуин?

ЭЛЕН. Кто?

ДОКТОР СМИТ. Лжепадре.

ЭЛЕН. А... Альфред... Он тоже нужен, но только, как некое дополнение. С ним я чувствую себя более надежно. Наш падре умеет добиваться того, чего

хочет.

ДОКТОР СМИТ. И чего хочет святой отец?

ЭЛЕН. Того же, что вы и остальные хищники: денег! И он добьется их, если не здесь, так в другом месте. Ваше же поле деятельности, доктор Смит, увы, ограничено стенами этой больницы.

ДОКТОР СМИТ. Вот как ты меня оцениваешь.

ЭЛЕН. Вполне объективно (*подходит к доктору, берет его руку, запускает в вырез своего халата*). Каждому свое! Как там говорит латынь?

ДОКТОР СМИТ. "Suum cuique".

ЭЛЕН. "Suum cuique". Как красиво! А вам, док, сегодня кое-что обязательно обломится. Обещаю. Однако падре Эммануэль возвращается.

ДОКТОР СМИТ ПОДХОДИТ К ВООБРАЖАЕМОЙ СТЕНЕ, ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ, ВПУСКАЕТ ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЯ.

ДОКТОР СМИТ. Как успехи, святой отец?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не очень-то... Эти безбожники даже исповедаться не хотят, говорят, что безгрешны.

ЭЛЕН. Хорошо дуракам.

ДОКТОР СМИТ. Зато нам какво? Время поджимает. Мне вчера звонили из попечительского совета, требовали прислать подробный отчет о проделанной работе. Председатель намекнул, что вполне возможна замена меня на другого специалиста.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Пора переходить на более радикальную методику. Ну, на ту самую, что мы только что обсуждали.

ДОКТОР СМИТ. Пожалуй. Что ж, приступим к выполнению другого плана!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Это будет самый "решительный довод" (*поднимает вверх указательный палец*)! "Ultima ratio"!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В холле больницы ДОКТОР СМИТ и АДАМ.

ДОКТОР СМИТ. Ваше физическое здоровье в полном порядке. Не хотите, ли увидеть родственников?

АДАМ. И сколько их набежало?

ДОКТОР СМИТ. Много, почти дюжина – ближние и дальние, приехавшие из России.

АДАМ. Я никого не хочу видеть.

ДОКТОР СМИТ. Желание пациента – закон (*кричит*). Эй, Руди, никого не впускать!

ГОЛОС РУДИ. Понял, док!

ДОКТОР СМИТ. Вы, мистер Коллинз, упорно не хотите вспоминать прошлое. Мы вынуждены с сегодняшнего дня приступить к интенсивному медикаментозному лечению.

АДАМ. Меня зовут Адам.

ДОКТОР СМИТ. Хорошо, Адам. Но почему вы умышленно блокируете свою память?

АДАМ. Мне иногда кажется, что все прошлое нашей планеты собрано во мне. А оно ужасно.

ДОКТОР СМИТ. Что за чушь? Вы не Христос-искупитель. Вы – просто человек, попавший в автомобильную аварию. Вам больше нечего мне сказать?

АДАМ. Зачем вы, доктор, преследуете Еву?

ДОКТОР СМИТ. Я? Это она вам сказала?

АДАМ. Я постоянно ощущаю вашу неприязнь к ней.

ДОКТОР СМИТ. Пустое,.. Адам. Мы с ней, как бы вам точнее сказать... давние приятели. И вот вам мой совет: никогда полностью не доверяйтесь женщине.

АДАМ. Ева - пациент.

ДОКТОР СМИТ. Это, однако, никак не влияет на ее суть.

АДАМ. Я верю Еве.

ДОКТОР СМИТ. Что ж, ваше право.

ГОЛОС РУДИ. Док, Адаму пора на процедуру.

ДОКТОР СМИТ. Хорошо, Руди, проводите пациента.

ВХОДИТ РУДИ, УВОДИТ АДАМА.

ДОКТОР СМИТ. Чем больше я наблюдаю за этой парочкой, тем больше отказываюсь понимать что-либо. Да, падре прав, надо действовать быстро, решительно и не останавливаться на полумерах.

ВХОДИТ ЕВА.

ДОКТОР СМИТ. Алиса, тебе удалось узнать что-либо значительное, кроме той дребедени, что вы постоянно несете с художником? Кроме того, вы шепчетесь, а это совсем не по правилам.

ЕВА. А по правилам подслушивать? К тому же, я никакая не Алиса. Я – Ева!

ДОКТОР СМИТ. Ого! Или ты чересчур вжилась в роль, или на самом деле не совсем здорова. Но не забывай, о данных мною тебе гарантиях: как только прояснится эта запутанная история о картинах, ты выйдешь на волю. Надеюсь, тебе совсем не хочется заживо гнить здесь?

ЕВА. А если я ничего не выясню или ничего не скажу тебе? Да и с какой стати мне рассказывать? *(поет)* Где ты, где ты, мой любимый? Я так устала тебя ждать...

ДОКТОР СМИТ. Меня?

ЕВА. Ты кто? У тебя совершенно пустые глаза.

ДОКТОР СМИТ (*трясет Еву за плечи*). Алиса! Очнись!

ЕВА. А... это ты... тот, кто сделал меня неврастеничкой, накачивая лекарствами, чтобы упрятать сюда. Но мне здесь понравилось.

ДОКТОР СМИТ. Ты влюбилась в художника?

ЕВА. Да.

ДОКТОР СМИТ. Какая идиллия... Адам и Ева, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта... Только помни, Алиса, я расскажу мистеру Петрову: кто ты есть на самом деле.

ЕВА. Рассказывать поздно. Я уже сама это сделала.

ДОКТОР СМИТ (*хватается за голову*). Она, действительно, не в своем уме! Так всё, по началу, хорошо шло...

ЕВА. А кто сделал меня такой? Ты оговорил своего брата, в результате чего бедняга попал в тюрьму, где и умер. А я так любила его.

ДОКТОР СМИТ. Оговорил? Все улики были против Роберта. С моей помощью или нет, но он просто обязан был угодить за решетку.

ЕВА. Да. Чтобы ты женился на мне.

ДОКТОР СМИТ. И что же было плохого в том браке?

ЕВА. Он состоялся по расчету. Тебе нужны были лишь мои деньги.

ДОКТОР СМИТ. Сама сказала: по расчету. И с твоей стороны, выходит, была корысть.

ЕВА. Я виновата лишь в том, что понадеялась иметь опору, но просчиталась. Разве может быть прохвост опорой? К тому же, ты и ко мне проявил необыкновенную жестокость.

ДОКТОР СМИТ. Ты сама вынудила меня принять тогда превентивные меры, угрожая разоблачением. Но такова жизнь – побеждает сильнейший.

ЕВА. Жизнь? Ты хоть знаешь, что это такое?

ДОКТОР СМИТ. Любопытно слышать подобное от умалишенной. Просвети нас, неграмотных.

ЕВА. Жизнь - это любовь!

ДОКТОР СМИТ. И кого, к кому?

ЕВА. Каждого, ко всем.

ДОКТОР СМИТ. А, допустим, ко мне? По принципу: "Возлюбите врагов ваших"! Ну!

ЕВА. Я и тебя люблю, но лишь как творенье Божье. И подлый человек также имеет искру Всевышнего, просто она еле-еле различима. Когда-нибудь, может быть в другой жизни, она разгорится и превратится в настоящее пламя души.

ДОКТОР СМИТ. Бред! Ты, воистину, ненормальна! "Люблю, как творенье..." А может быть, как тварь Божью? Я пока твой Господь, и могу властвовать над твоей судьбой, как захочу!

ЕВА. Это - пока. Но всё скоро переменится.

ДОКТОР СМИТ. Переменится?.. Выкладывай, что ты задумала?

ЕВА. Восстановление справедливости! Я сумела достать мобильный

телефон и на прогулке сделала несколько звонков.

ДОКТОР СМИТ (*хватает Еву*). Дура!.. Кто тебе поверит?

ЕВА. Нашлись такие люди. Инспектор Гаррисон, например. А также еще кое-кто.

ДОКТОР СМИТ (*хватается ладонями за свою голову*). Как ты смогла...

ЕВА. Так уж получилось (*приставляет к уху кулак, имитирует разговор по телефону*). Алло? Это полиция? На связи желтый дом!

ДОКТОР СМИТ. Я тебя недооценил.

ЕВА. Да, кстати, ты знаешь, где твои подручные?

ДОКТОР СМИТ. Какие подручные?

ЕВА. Молодая особа, ее, кажется, звать Элен, и так называемый падре.

ДОКТОР СМИТ. Не знаю, а что?

ЕВА. Они давно уже сбежали, как только запахло жареным. Злен побледнела и прошептала странные слова: "Прощай, мама..." А святой отец в унисон ей произнес: "Прощай доходный дом!", а затем угрюмо добавил: "Finita la comedia". Что это означает?

ДОКТОР СМИТ. На итальянском языке: "Комедия окончена".
Комедианты!..

ВХОДИТ РУДИ.

РУДИ. На проходной инспектор Гаррисон.

ДОКТОР СМИТ. Начинается... Впусти минут через пять.

РУДИ. А мистера Петрова куда направить?

ДОКТОР СМИТ. Сюда. Инспектор наверняка захочет побеседовать с этой парочкой.

РУДИ (*хихикая*). Со сладкой парочкой, док?

ДОКТОР СМИТ. Иди, болван.

ЕВА. Кажется, в желтом доме для некоторых начинаются большие неприятности.

ДОКТОР СМИТ (*зло*). Молчи, дура!..

ДОКТОР СМИТ ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ВООБРАЖАЕМУЮ СТЕНУ, ДОСТАЕТ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА ЖУРНАЛ, ВЫРЫВАЕТ ИЗ НЕГО СТРАНИЦЫ, СКОМКАВ, ПРЯЧЕТ ИХ В КАРМАН ХАЛАТА. ЕВА ПОДХОДИТ К СТОЛУ В ХОЛЛЕ, САДИТСЯ НА СТУЛ, НАЧИНАЕТ СКЛАДЫВАТЬ КАРТОЧНЫЙ ДОМИК.

ДОКТОР СМИТ (*тихо, зло*). Не получилось... Черт бы побрал, этого идиота из России.

ВХОДИТ РУДИ.

РУДИ, Док, пришел инспектор.

ДОКТОР СМИТ. Проси.

РУДИ УХОДИТ, ВХОДИТ ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Добрый день, доктор Смит.

ДОКТОР СМИТ. Не совсем он добрый, инспектор, если вы здесь.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. У меня постановление попечительского совета (*достает из кармана пиджака бумагу*). Вам предлагается свернуть все проводимые вами исследования в отношении Виктора Петрова. А также представить мне отчет о проделанной работе.

ДОКТОР СМИТ. Вот журнал наблюдений, видеозаписи.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН (*берет журнал, листает его*). Позвольте, но где несколько страниц?

ДОКТОР СМИТ. К сожалению, они, видимо, пропали из-за недобросовестности Элен, медсестры.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Вы хотите сказать, что мисс Элен вырвала эти страницы?

ДОКТОР СМИТ. Очевидно так.

РУДИ ВВОДИТ В ХОЛЛ АДАМА, ЗАТЕМ УДАЛЯЕТСЯ. АДАМ ПОДХОДИТ К ЕВЕ, САДИТСЯ РЯДОМ, НАЧИНАЕТ ПОМОГАТЬ ЕЙ, СКЛАДЫВАТЬ КАРТЫ.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН (*указывает рукой в сторону стены*). Любопытно (*подходит к стене, гладит ее ладонью*). Видать, прочная.

ДОКТОР СМИТ (*с гордостью*). Она изготовлена из пуленепробиваемого стекла!

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. А, что, пациенты могут и выстрелить?

ДОКТОР СМИТ. В психиатричке всякое случится, может. Добыла же пациентка Алиса мобильный телефон.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Алиса – бывшая ваша жена.

ДОКТОР СМИТ. Вы и это знаете... К несчастью, вы правы, инспектор.

ЕВА (радостно). Получилось!

АДАМ. У нас есть дом!

ЕВА. Да, пока он карточный.

АДАМ. Но уже существует.

ЕВА. Существует, пока мы с тобой поддерживаем его.

АДАМ. А мы и будем поддерживать!

ЕВА (грустно). Кто знает, как все обернется в будущем.

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК РАЗВАЛИВАЕТСЯ.

ЕВА. Ну, вот...

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Можно прекрасно идентифицировать каждое слово. А они нас слышат?

ДОКТОР СМИТ. Не только не слышат, но и не видят.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Поразительно... Совсем как у нас в полиции, в комнате для опознания преступников. Только ваша стена намного внушительней.

АДАМ. Как жаль...

ЕВА. Ничего, мы построим новый.

АДАМ. Нет, все новое, лишь жалкая тень бывшего.

ЕВА. Адам, откуда в тебе такой пессимизм?

АДАМ. Все желтое вокруг. Разве ты, Ева, не видишь? (*берет в руки фонарь, включает его*).

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Мне рассказывали про этот фонарь. Он, кажется, должен был помочь художнику сохранить ощущение света?

ДОКТОР СМИТ. Да. Это рекомендация попечительского совета, основанная на теории знаменитого психиатра Эдберга.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Не слышал о таком. Однако мы ушли в сторону. Где падре Эммануэль и мисс Элен?

ДОКТОР СМИТ. Не знаю, инспектор. Они с самого раннего утра куда-то пропали. А меня в чем обвиняют?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. В пособничестве мошенникам, доктор Смит.

ДОКТОР СМИТ. Помилуйте, я их совсем не знаю! У этой Элен были на руках такие прекрасные рекомендации. А падре Эммануэль прибыл сюда по звонку из конгрегации.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Нет там такого святого отца.

ДОКТОР СМИТ. Как нет?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Полиции еще предстоит выяснить ваш возможный сговор с мисс Элен и падре, конечно, как только схватим их. Но мы уже знаем фамилии преступников, разыскиваемых Интерполом, имеем их фотографии.

ДОКТОР СМИТ. Какой ужас! А этот... падре, неплохо цитировал высказывания великих на латыни.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Еще бы, подобные гастролеры обладают высочайшей квалификацией в своем ремесле.

АДАМ. Я кое-что вспомнил. Ты читала книгу о Поле Гогене?

ЕВА. Нет. А кто он такой?

АДАМ. Знаменитый художник, своего рода революционер в живописи.

ЕВА. Расскажи, Адам.

АДАМ (*включает красный свет, направляет его на распятие*). Что ты видишь, Ева?

ЕВА. Христа в красном, кровавом одеянии.

АДАМ (*включает зеленый свет*). А сейчас?

ЕВА. Он включился!.. Спаситель в будущем!

АДАМ (*включает желтый свет*). И – третий вариант. Наш...

ЕВА. Зачем так грустно? Зеленый свет все-таки включился.

АДАМ. Да. Но больше его нет.

ЕВА. Он будет, вот увидишь! Но расскажи, Адам, к чему ты показывал все эти три цвета времени?

АДАМ. Поль Гоген однажды увидел на перекрестке трех дорог массивное бронзовое распятие, которым был чрезвычайно очарован.

ЕВА. Почему?

АДАМ. Распятие меняло свою окраску. Вечером, при закате, оно было ярко красным, словно Иисус был залит кровью. Утром же распятие казалось зеленым, нежным и радостным, словно олицетворяло в будущем, как и завещал Спаситель, вечную и прекрасную жизнь.

ЕВА. И... Куда же будущее делось?

АДАМ. Распятие, оказалось, позеленело от времени. Ну, а настоящий цвет его был желтым, цветом бронзы. Разочарованный художник обнаружил истину, соскоблив зелень.

ЕВА. Как бы мне хотелось не повторить опыт Гогена: не разочароваться...

АДАМ. И мне... Хочешь, Ева, я тебя нарисую? Ты так прекрасна!

ЕВА. Да, Адам!

АДАМ БЕРЕТ ЛИСТ БУМАГИ И КАРАНДАШ.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. У Петрова, кажется, восстанавливается память. Он так интересно рассказывал... О том, что ваши подопечные называют себя первородными библейскими именами, мне известно. Но, вот такой прогресс... Экспертиза покажет, использовали ли вы в их лечении психотропные вещества и наркотики. Если вы, доктор Смит, нарушили предписание попечительского совета...

ДОКТОР СМИТ. Это они! Лжепадре заставил меня сделать это, но к интенсивному лечению намечено было приступить только с сегодняшнего дня.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Ваше счастье, иначе бы вы не только навсегда лишились лицензии, но и ответили бы перед законом. Я кое-что утаил. Преступники уже схвачены и дали показания.

ДОКТОР СМИТ. Как?..

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Как и положено. И они утверждают, что между ними и вами, доктор Смит, существовал сговор.

ДОКТОР СМИТ. Это клевета! Есть соответствующие доказательства, инспектор Гаррисон?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. К сожалению, нет. Но вы считаетесь подозреваемым, и я буду вынужден забрать вас для очной ставки и дачи показаний.

ДОКТОР СМИТ. Что ж, я подчиняюсь. Только, кто здесь останется присматривать за пациентами?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Ваш подчиненный Руди, кстати, неплохой

малый. А к обеду сюда уже прибудет новый доктор.

ДОКТОР СМИТ. Понятно... Чего мы ждем?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Еще одного сюрприза. Руди!..

ГОЛОС РУДИ. Да, инспектор!

ЕВА. Вижу! Я отражаюсь, следовательно, я существую! Теперь осталось сложить домик. А мне до сих пор это пока никак не удавалось.

АДАМ. Я помогу тебе.

АДАМ И ЕВА ОТХОДЯТ, САДЯТСЯ ЗА СТОЛ И НАЧИНАЮТ СКЛАДЫВАТЬ В ЧЕТЫРЕ РУКИ КАРТОЧНЫЙ ДОМИК.

ЕВА. Получилось! Это наш с тобой домик.

АДАМ. Он не желтый.

ЕВА. Не напоминай об этом. Ой, развалился...

АДАМ. Ничего, может быть мы когда-нибудь построим с тобой настоящий.

ЕВА. Тихо... Они слышат.

АДАМ. Они?

ЕВА. Ну, да, наши тюремщики.

АДАМ. Нет, мы с тобой по-настоящему свободны. Это они, вернее их души, заперты наглухо (*включает фонарь*). Смотри, Ева, там все желтое.

ЕВА. Они на самом деле безумны?

АДАМ. Да, так как желают денег и власти. Но, даже имея всё это, они никогда не будут счастливы.

ЕВА. Почему, Адам?

АДАМ. Счастлив лишь тот, кому больше желать нечего.

ЕВА. А у меня тоже есть желание.

АДАМ. Какое?

ЕВА. Наклонись (*шепчет что-то Адаму на ухо*).

АДАМ. Это прекрасно... И я хочу того же.

ЕВА. Значит, мы не будем счастливы?

АДАМ. Будем, потому что наше желание исключает обладание. Оно слишком чисто.

ЕВА. А чистота – залог здоровья?

АДАМ. Да. Причем не только здоровья тела, но и души, для которой нужна особая чистота.

ВХОДЯТ ДОКТОР СМИТ, ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ И ЭЛЕН.

ДОКТОР СМИТ. Слышали? Они шепчутся! К счастью, у меня повсюду ведется контроль.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Ваша аппаратура вряд ли сможет зафиксировать шепот. Вам надо бы ранее проконсультироваться со мной.

ЭЛЕН. Еще бы, у тебя такой стаж!..

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Элен!

ЭЛЕН. Молчу.

ЕВА. Они пришли.

АДАМ. Я им сейчас посвечу (*включает фонарь*).

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Хотел бы я понять, что означает данное действие подопытного.

ЭЛЕН. Шизик! Что с него взять.

ДОКТОР СМИТ. Не так все просто, Элен. ЭТИ стали разговаривать намного осмысленней.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не хотите, ли сказать, док, что они на пути к выздоровлению?

ДОКТОР СМИТ. Нет, нет. До нормального состояния им еще очень далеко.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Да и вы, доктор Смит, не допустите выздоровления этой парочки.

ДОКТОР СМИТ. Естественно! Есть специальная медикаментозная методика.

ЭЛЕН. Наркотики?

ДОКТОР СМИТ. И наркотики тоже.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. А может призвать на помощь нашего Господа? (*закатывает глаза*) Он, известно, милостив и всеблаг. Да не оставит Он нас, сирых и убогих без Своего покровительства.

ЭЛЕН (*хлопает в ладоши*). Bravo, Альф... простите, падре Эммануэль.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Прощаю, дочь моя. Отоприте, сын мой, дверь к страждущим исцеления. "Peciculum in mora". "Опасность в промедлении".

ДОКТОР СМИТ. (*подходит к воображаемой двери, восхищенно*). Ну, вы и...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Прохиндей?

ДОКТОР СМИТ. Вы сами так себя назвали.

ЭЛЕН. О, падре особенный человек!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Жулик, как и все мы здесь находящиеся.

ДОКТОР СМИТ. Позвольте, милейший, как вас там... Это же грубо.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Зато точно, док. Я пошел.

ЭЛЕН. С Богом.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ, ВХОДИТ В ХОЛЛ.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Добрый день, дети мои.

ЕВА. Добрый день, святой отец.

АДАМ. Отец-молодец...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Вы что-то сказали, сын мой?

АДАМ. А где Святой Дух?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не понял.

АДАМ. Принцип Троицы: Отец, Сын и Святой Дух, верно?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Верно. Однако, вы шутник, Адам. Святой Дух нечто эфемерное, неосязаемое. Он, может быть, и незримо присутствует сейчас,

наблюдая за нами. Кстати, Адам – не ваше законное имя. Ведь вас звать Виктор Петров?

АДАМ. Допустим. И что из этого?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Ничего. Я присяду, с вашего разрешения.

Потолкуем о том, о сем...

ЕВА. Конечно же, падре. Будьте как дома. У вас имеется дом?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Вообще-то есть.

АДАМ. Он желтый?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Нет. Мой дом обычный, как у миллионов сограждан, но мне очень хочется, чтобы он стал когда-нибудь, как говорится, полной чашей.

ЕВА. Вы счастливчик, как и миллионы сограждан. А вот мы с Адамом...

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. О вас, конкретно, я и хотел поговорить.

АДАМ. О чем именно?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Святая церковь просит своих чад быть откровенными с ее полномочными представителями.

АДАМ. Вы на священника, падре, совсем не похожи.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. А на кого я похож?

АДАМ. На мясника.

ЕВА. Адам!

АДАМ. Да, ЕВА.

ЕВА. Зачем ты так? Падре Эммануэль похож на побитого пса.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ (*вскакивает*). Вы, что? Совсем обалдели? Мясник! Побитый пес!

ЭЛЕН (стоя за воображаемой стеной). Ну и дураки (*смеется*)! Уморили!..

ДОКТОР СМИТ. Да, с ними не соскучишься. Бесплатный концерт (*обнимает Элен за талию*)! Может, развлечемся еще и иным способом?

ЭЛЕН. Отстаньте, доктор. Там – наш сообщник. А вдруг он захочет вернуться?

ДОКТОР СМИТ. Мы ему не откроем.

ЭЛЕН. Но, он же стучать начнет! Нет.

ДОКТОР СМИТ. Жаль.

ЭЛЕН. Потом, док...

ДОКТОР СМИТ. Намек понял. Моя несравненная...

ЭЛЕН. Вы и своей жене такое говорили, а в итоге...

ДОКТОР СМИТ. Что, в итоге?

ЭЛЕН (*показывает пальцем*). Туда ее.

ДОКТОР СМИТ. Она же с явным приветом. А вот ты... божественная...

ЭЛЕН (*отстраняется*). Я же сказала: потом. Кстати, доктор, что вы будете делать с большими деньгами?

ДОКТОР СМИТ. Открою фешенебельную лечебницу для элитных пациентов.

ЭЛЕН. Вот как? А я думала, будете просто жить в свое удовольствие. Я

поняла: вам нужна власть! Хотя бы над несчастными больными!

ДОКТОР СМИТ. Ты проницательна...

ДОКТОР СМИТ ОТХОДИТ К АППАРАТУРЕ, ВОЗИТСЯ С НЕЙ. ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ БЕЗУСПЕШНО ПРОБУЕТ СЛОЖИТЬ КАРТОЧНЫЙ ДОМИК. АДАМ И ЕВА НАБЛЮДАЮТ ЗА ЕГО ДЕЙСТВИЯМИ.

ЭЛЕН (*бормочет*). Похотливый козел, к тому же властолюбивый.

ДОКТОР СМИТ. Ты что-то сказала, Элен?

ЭЛЕН. Я сказала: вы, док, приятный во всех отношениях молодой мужчина.

ДОКТОР СМИТ. Во всех отношениях?

ЭЛЕН. Абсолютно во всех.

ДОКТОР СМИТ. Тогда, зачем тебе этот старый, облезлый бабуин?

ЭЛЕН. Кто?

ДОКТОР СМИТ. Лжепадре.

ЭЛЕН. А... Альфред... Он тоже нужен, но только, как некое дополнение. С ним я чувствую себя более надежно. Наш падре умеет добиваться того, чего хочет.

ДОКТОР СМИТ. И чего хочет святой отец?

ЭЛЕН. Того же, что вы и остальные хищники: денег! И он добьется их, если не здесь, так в другом месте. Ваше же поле деятельности, доктор Смит, увы, ограничено стенами этой больницы.

ДОКТОР СМИТ. Вот как ты меня оцениваешь.

ЭЛЕН. Вполне объективно (*подходит к доктору, берет его руку, запускает в вырез своего халата*). Каждому свое! Как там говорит латынь?

ДОКТОР СМИТ. "Suum cuique".

ЭЛЕН. "Suum cuique". Как красиво! А вам, док, сегодня кое-что обязательно обломится. Обещаю. Однако падре Эммануэль возвращается.

ДОКТОР СМИТ ПОДХОДИТ К ВООБРАЖАЕМОЙ СТЕНЕ, ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ, ВПУСКАЕТ ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЯ.

ДОКТОР СМИТ. Как успехи, святой отец?

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Не очень-то... Эти безбожники даже исповедаться не хотят, говорят, что безгрешны.

ЭЛЕН. Хорошо дуракам.

ДОКТОР СМИТ. Зато нам каково? Время поджигает. Мне вчера звонили из попечительского совета, требовали прислать подробный отчет о проделанной работе. Председатель намекнул, что вполне возможна замена меня на другого специалиста.

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Пора переходить на более радикальную методику. Ну, на ту самую, что мы только что обсуждали.

ДОКТОР СМИТ. Пожалуй. Что ж, приступим к выполнению другого плана!

ПАДРЕ ЭММАНУЭЛЬ. Это будет самый "решительный довод" (*поднимает вверх указательный палец*)! "Ultima ratio"!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

В холле больницы ДОКТОР СМИТ и АДАМ.

ДОКТОР СМИТ. Ваше физическое здоровье в полном порядке. Не хотите, ли увидеть родственников?

АДАМ. И сколько их набежало?

ДОКТОР СМИТ. Много, почти дюжина - ближние и дальние.

АДАМ. Я никого не хочу видеть.

ДОКТОР СМИТ. Желание пациента - закон (*кричит*). Эй, Руди, никого не впускать!

ГОЛОС РУДИ. Понял, док!

ДОКТОР СМИТ. Вы, мистер Петров, упорно не хотите вспоминать прошлое. Мы вынуждены с сегодняшнего дня приступить к интенсивному медикаментозному лечению.

АДАМ. Меня зовут Адам.

ДОКТОР СМИТ. Хорошо, Адам. Но почему вы умышленно блокируете свою память?

АДАМ. Мне иногда кажется, что все прошлое нашей планеты собрано во мне. А оно ужасно.

ДОКТОР СМИТ. Что за чушь? Вы не Христос-искупитель. Вы – просто человек, попавший в автомобильную аварию. Вам больше нечего мне сказать?

АДАМ. Зачем вы, доктор, преследуете Еву?

ДОКТОР СМИТ. Я? Это она вам сказала?

АДАМ. Я постоянно ощущаю вашу неприязнь к ней.

ДОКТОР СМИТ. Пустое,.. Адам. Мы с ней, как бы вам точнее сказать... давние приятели. И вот вам мой совет: никогда полностью не доверяйтесь женщине.

АДАМ. Ева – пациент.

ДОКТОР СМИТ. Это, однако, никак не влияет на ее суть.

АДАМ. Я верю Еве.

ДОКТОР СМИТ. Что ж, ваше право.

ГОЛОС РУДИ. Док, Адаму пора на процедуру.

ДОКТОР СМИТ. Хорошо, Руди, проводите пациента.

ВХОДИТ РУДИ, УВОДИТ АДАМА.

ДОКТОР СМИТ. Чем больше я наблюдаю за этой парочкой, тем больше отказываюсь понимать что-либо. Да, падре прав, надо действовать быстро, решительно и не останавливаться на полумерах.

ВХОДИТ ЕВА.

ДОКТОР СМИТ. Алиса, тебе удалось узнать что-либо значительное, кроме той дребедени, что вы постоянно несете с художником? Кроме того, вы шепчетесь, а это совсем не по правилам.

ЕВА. А по правилам подслушивать? К тому же, я никакая не Алиса. Я - Ева!

ДОКТОР СМИТ. Ого! Или ты чересчур вжилась в роль, или на самом деле не совсем здорова. Но не забывай, о данных мною тебе гарантиях: как только прояснится эта запутанная история о картинах, ты выйдешь на волю. Надеюсь, тебе совсем не хочется заживо гнить здесь?

ЕВА. А если я ничего не выясню или ничего не скажу тебе? Да и с какой стати мне рассказывать? *(поет)* Где ты, где ты, мой любимый? Я так устала тебя ждать...

ДОКТОР СМИТ. Меня?

ЕВА. Ты кто? У тебя совершенно пустые глаза.

ДОКТОР СМИТ *(трясет Еву за плечи)*. Алиса! Очнись!

ЕВА. А... это ты... тот, кто сделал меня неврастеничкой, накачивая лекарствами, чтобы упрятать сюда. Но мне здесь понравилось.

ДОКТОР СМИТ. Ты влюбилась в художника?

ЕВА. Да.

ДОКТОР СМИТ. Какая идиллия... Адам и Ева, Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта... Только помни, Алиса, я расскажу мистеру Петрову: кто ты есть на самом деле.

ЕВА. Рассказывать поздно. Я уже сама это сделала.

ДОКТОР СМИТ *(хватается за голову)*. Она, действительно, не в своем уме! Так всё, по началу, хорошо шло...

ЕВА. А кто сделал меня такой? Ты оговорил своего брата, в результате чего бедняга попал в тюрьму, где и умер. А я так любила его.

ДОКТОР СМИТ. Оговорил? Все улики были против Роберта. С моей помощью или нет, но он просто обязан был угодить за решетку.

ЕВА. Да. Чтобы ты женился на мне.

ДОКТОР СМИТ. И что же было плохого в том браке?

ЕВА. Он состоялся по расчету. Тебе нужны были лишь мои деньги.

ДОКТОР СМИТ. Сама сказала: по расчету. И с твоей стороны, выходит, была корысть.

ЕВА. Я виновата лишь в том, что понадеялась иметь опору, но просчиталась. Разве может быть прохвост опорой? К тому же, ты и ко мне проявил необыкновенную жестокость.

ДОКТОР СМИТ. Ты сама вынудила меня принять тогда превентивные меры, угрожая разоблачением. Но такова жизнь – побеждает сильнейший.

ЕВА. Жизнь? Ты хоть знаешь, что это такое?

ДОКТОР СМИТ. Любопытно слышать подобное от умалишенной. Просвети нас, неграмотных.

ЕВА. Жизнь – это любовь!

ДОКТОР СМИТ. И кого, к кому?

ЕВА. Каждого, ко всем.

ДОКТОР СМИТ. А, допустим, ко мне? По принципу: "Возлюбите врагов ваших"! Ну!

ЕВА. Я и тебя люблю, но лишь как творенье Божье. И подлый человек также имеет искру Всевышнего, просто она еле-еле различима. Когда-нибудь, может быть в другой жизни, она разгорится и превратится в настоящее пламя души.

ДОКТОР СМИТ. Бред! Ты, воистину, ненормальна! "Люблю, как творенье..." А может быть, как тварь Божью? Я пока твой Господь, и могу властвовать над твоей судьбой, как захочу!

ЕВА. Это – пока. Но всё скоро переменится.

ДОКТОР СМИТ. Переменится?.. Выкладывай, что ты задумала?

ЕВА. Восстановление справедливости! Я сумела достать мобильный телефон и на прогулке сделала несколько звонков.

ДОКТОР СМИТ (*хватает Еву*). Дура!.. Кто тебе поверит?

ЕВА. Нашлись такие люди. Инспектор Гаррисон, например. А также еще кое-кто.

ДОКТОР СМИТ (*хватается ладонями за свою голову*). Как ты смогла...

ЕВА. Так уж получилось (*приставляет к уху кулак, имитирует разговор по телефону*). Алло? Это полиция? На связи желтый дом!

ДОКТОР СМИТ. Я тебя недооценил.

ЕВА. Да, кстати, ты знаешь, где твои подручные?

ДОКТОР СМИТ. Какие подручные?

ЕВА. Молодая особа, ее, кажется, звать Элен, и так называемый падре.

ДОКТОР СМИТ. Не знаю, а что?

ЕВА. Они давно уже сбежали, как только запахло жареным. Злен побледнела и прошептала странные слова: "Прощай, мама..." А святой отец в унисон ей произнес: "Прощай доходный дом!", а затем угрюмо добавил: "Finita la comedia". Что это означает?

ДОКТОР СМИТ. На итальянском языке: "Комедия окончена".
Комедианты!..

ВХОДИТ РУДИ.

РУДИ. На проходной инспектор Гаррисон.

ДОКТОР СМИТ. Начинается... Впусти минут через пять.

РУДИ. А мистера Коллинза куда направить?

ДОКТОР СМИТ. Сюда. Инспектор наверняка захочет побеседовать с этой парочкой.

РУДИ (*хихикая*). Со сладкой парочкой, док?

ДОКТОР СМИТ. Иди, болван.

ЕВА. Кажется, в желтом доме для некоторых начинаются большие неприятности.

ДОКТОР СМИТ (*зло*). Молчи, дура!..

ДОКТОР СМИТ ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ВООБРАЖАЕМУЮ СТЕНУ, ДОСТАЕТ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА ЖУРНАЛ, ВЫРЫВАЕТ ИЗ НЕГО СТРАНИЦЫ, СКОМКАВ, ПРЯЧЕТ ИХ В КАРМАН ХАЛАТА. ЕВА ПОДХОДИТ К СТОЛУ В ХОЛЛЕ, САДИТСЯ НА СТУЛ, НАЧИНАЕТ СКЛАДЫВАТЬ КАРТОЧНЫЙ ДОМИК.

ДОКТОР СМИТ (*тихо, зло*). Не получилось... Черт бы побрал, этого идиота из России.

ВХОДИТ РУДИ.

РУДИ, Док, пришел инспектор.
ДОКТОР СМИТ. Проси.

РУДИ УХОДИТ, ВХОДИТ ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Добрый день, доктор Смит.

ДОКТОР СМИТ. Не совсем он добрый, инспектор, если вы здесь.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. У меня постановление попечительского совета (*достает из кармана пиджака бумагу*). Вам предлагается свернуть все проводимые вами исследования в отношении мистера Виктора Петрова. А также представить мне отчет о проделанной работе.

ДОКТОР СМИТ. Вот журнал наблюдений, видеозаписи.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН (*берет журнал, листает его*). Позвольте, но где несколько страниц?

ДОКТОР СМИТ. К сожалению, они, видимо, пропали из-за недобросовестности Элен, медсестры.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Вы хотите сказать, что мисс Элен вырвала эти страницы?

ДОКТОР СМИТ. Очевидно так.

РУДИ ВВОДИТ В ХОЛЛ АДАМА, ЗАТЕМ УДАЛЯЕТСЯ. АДАМ ПОДХОДИТ К ЕВЕ, САДИТСЯ РЯДОМ, НАЧИНАЕТ ПОМОГАТЬ ЕЙ, СКЛАДЫВАТЬ КАРТЫ.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН (*указывает рукой в сторону стены*). Любопытно (*подходит к стене, гладит ее ладонью*). Видать, прочная.

ДОКТОР СМИТ (*с гордостью*). Она изготовлена из пуленепробиваемого стекла!

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. А, что, пациенты могут и выстрелить?

ДОКТОР СМИТ. В психиатричке всякое случится, может. Добыла же

пациентка Алиса мобильный телефон.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Алиса – бывшая ваша жена.

ДОКТОР СМИТ. Вы и это знаете... К несчастью, вы правы, инспектор.

ЕВА (радостно). Получилось!

АДАМ. У нас есть дом!

ЕВА. Да, пока он карточный.

АДАМ. Но уже существует.

ЕВА. Существует, пока мы с тобой поддерживаем его.

АДАМ. А мы и будем поддерживать!

ЕВА (грустно). Кто знает, как все обернется в будущем.

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК РАЗВАЛИВАЕТСЯ.

ЕВА. Ну, вот...

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Можно прекрасно идентифицировать каждое слово. А они нас слышат?

ДОКТОР СМИТ. Не только не слышат, но и не видят.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Поразительно... Совсем как у нас в полиции, в комнате для опознания преступников. Только ваша стена намного внушительней.

АДАМ. Как жаль...

ЕВА. Ничего, мы построим новый.

АДАМ. Нет, все новое, лишь жалкая тень былого.

ЕВА. Адам, откуда в тебе такой пессимизм?

АДАМ. Все желтое вокруг. Разве ты, Ева, не видишь? *(берет в руки фонарь, включает его)*.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Мне рассказывали про этот фонарь. Он, кажется, должен был помочь художнику сохранить ощущение света?

ДОКТОР СМИТ. Да. Это рекомендация попечительского совета, основанная на теории знаменитого психиатра Эдберга.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Не слышал о таком. Однако мы ушли в сторону. Где падре Эммануэль и мисс Элен?

ДОКТОР СМИТ. Не знаю, инспектор. Они с самого раннего утра куда-то пропали. А меня в чем обвиняют?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. В пособничестве мошенникам, доктор Смит.

ДОКТОР СМИТ. Помилуйте, я их совсем не знаю! У этой Элен были на руках такие прекрасные рекомендации. А падре Эммануэль прибыл сюда по звонку из конгрегации.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Нет там такого святого отца.

ДОКТОР СМИТ. Как нет?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Полиции еще предстоит выяснить ваш

возможный сговор с мисс Элен и падре, конечно, как только схватим их. Но мы уже знаем фамилии преступников, разыскиваемых Интерполом, имеем их фотографии.

ДОКТОР СМИТ. Какой ужас! А этот... падре, неплохо цитировал высказывания великих на латыни.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Еще бы, подобные гастролеры обладают высочайшей квалификацией в своем ремесле.

АДАМ. Я кое-что вспомнил. Ты читала книгу о Поле Гогене?

ЕВА. Нет. А кто он такой?

АДАМ. Знаменитый художник, своего рода революционер в живописи.

ЕВА. Расскажи, Адам.

АДАМ (включает красный свет, направляет его на распятие). Что ты видишь, Ева?

ЕВА. Христа в красном, кровавом одеянии.

АДАМ (включает зеленый свет). А сейчас?

ЕВА. Он включился!.. Спаситель в будущем!

АДАМ (включает желтый свет). И – третий вариант. Наш...

ЕВА. Зачем так грустно? Зеленый свет все-таки включился.

АДАМ. Да. Но больше его нет.

ЕВА. Он будет, вот увидишь! Но расскажи, Адам, к чему ты показывал все эти три цвета времени?

АДАМ. Поль Гоген однажды увидел на перекрестке трех дорог массивное бронзовое распятие, которым был чрезвычайно очарован.

ЕВА. Почему?

АДАМ. Распятие меняло свою окраску. Вечером, при закате, оно было ярко красным, словно Иисус был залит кровью. Утром же распятие казалось зеленым, нежным и радостным, словно олицетворяло в будущем, как и завещал Спаситель, вечную и прекрасную жизнь.

ЕВА. И... Куда же будущее делось?

АДАМ. Распятие, оказалось, позеленело от времени. Ну, а настоящий цвет его был желтым, цветом бронзы. Разочарованный художник обнаружил истину, соскоблив зелень.

ЕВА. Как бы мне хотелось не повторить опыт Гогена: не разочароваться...

АДАМ. И мне... Хочешь, Ева, я тебя нарисую? Ты так прекрасна!

ЕВА. Да, Адам!

АДАМ БЕРЕТ ЛИСТ БУМАГИ И КАРАНДАШ.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. У Коллинза, кажется, восстанавливается память. Он так интересно рассказывал... О том, что ваши подопечные называют себя первородными библейскими именами, мне известно. Но, вот такой прогресс... Экспертиза покажет, использовали ли вы в их лечении психотропные вещества и наркотики. Если вы, доктор Смит, нарушили предписание

попечительского совета...

ДОКТОР СМИТ. Это они! Лжепадре заставил меня сделать это, но к интенсивному лечению намечено было приступить только с сегодняшнего дня.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Ваше счастье, иначе бы вы не только навсегда лишились лицензии, но и ответили бы перед законом. Я кое-что утаил. Преступники уже схвачены и дали показания.

ДОКТОР СМИТ. Как?..

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Как и положено. И они утверждают, что между ними и вами, доктор Смит, существовал сговор.

ДОКТОР СМИТ. Это клевета! Есть соответствующие доказательства, инспектор Гаррисон?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. К сожалению, нет. Но вы считаетесь подозреваемым, и я буду вынужден забрать вас для очной ставки и дачи показаний.

ДОКТОР СМИТ. Что ж, я подчиняюсь. Только, кто здесь останется присматривать за пациентами?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Ваш подчиненный Руди, кстати, неплохой мальчик. А к обеду сюда уже прибудет новый доктор.

ДОКТОР СМИТ. Понятно... Чего мы ждем?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Еще одного сюрприза. Руди!..

ГОЛОС РУДИ. Да, инспектор!

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Пригласите нашего гостя.

ГОЛОС РУДИ. Слушаюсь, инспектор Гаррисон!

АДАМ. Смотри, это – ты!

ЕВА (*берет в руки лист*). Я так молода на рисунке. Ты мне его подаришь?

АДАМ. Конечно, Ева. Посиди вот так, я изобразю тебя в профиль (*берет новый лист*).

ВХОДИТ ГЕНРИ БЕЙКЕР.

ДОКТОР СМИТ. Кто вы?

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Бейкер, к вашим услугам. Камердинер Чарльза Коллинза.

ДОКТОР СМИТ. Но... зачем?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Пропустите мистера Бейкера к нашим подопечным.

ДОКТОР СМИТ ОТКРЫВАЕТ ВООБРАЖАЕМУЮ ДВЕРЬ.

ДОКТОР СМИТ. Проходите.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Вон туда, видите вашего хозяина?

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Я плохо вижу даже в этих очках, господин инспектор.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН (*берет Бейкер под локоть*). Пожалуйте сюда, мистер Бейкер.

ГЕНРИ БЕЙКЕР ПРОХОДИТ В ХОЛЛ.

ГЕНРИ БЕЙКЕР (*вглядываясь*). Мистер Коллинз! Вы?..

АДАМ ВСКАКИВАЕТ, ПОДБЕГАЕТ К БЕЙКЕРУ, ОБНИМАЕТ ЕГО.

АДАМ. Мой старый, верный Генри Бейкер!

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Он самый, мистер Чарльз. Я так рад вас видеть!

АДАМ. И я рад, Генри. Называйте меня, как и раньше - Чарли.

ЕВА. Как, ты уже не Адам?

АДАМ. На некоторое время, Ева. Прошедшее не всегда было таким уж безрадостным, когда вспоминаешь и видишь верного друга.

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Куда уж вернее, мэм. Мы с мистером Чарльзом знакомы с самого первого дня его рождения. Я был его бессменным дядькой, мэм.

АДАМ. Еще бы, помню и ценю. Понимаешь, Ева, после смерти родителей Генри со своей Дороти полностью заменили мне их. Кстати, как поживает ваша жена?

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Дороти совсем уже стара. Почти не ходит. Но привет тебе передает. И пирог клубничный обещала приготовить. Тот самый, который ты раньше так любил.

ДОКТОР СМИТ. К чему мне теперь этот вечер воспоминаний?

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. В том-то и дело, доктор Смит, что еще не вечер, и вы скоро узнаете кое-что очень даже интересное.

ГЕНРИ БЕЙКЕР. После того, как ваша супруга, Чарли, сбежала с продавцом подержанных машин... Господи, совсем забыл, что об этом надо молчать...

АДАМ. Вы ни чем не виноваты, Генри!.. Выходит бегство моей беспутной жenuшки так на меня повлияло.

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Вы совсем тогда рассудка чуть не лишились, сели в автомобиль, и...

АДАМ. Кое-что вспоминаю. Мое состояние было ужасным...

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Хуже не придумаешь, сэр.

ЕВА. Так... У тебя есть жена...

АДАМ. Как и у тебя муж. Всё это в прошлом! (*берет фонарь, включает его, направляет красный свет на Бейкера*).

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Мистер Чарли, вы совсем ослепили меня.

АДАМ. Простите, Генри. Вы выполнили мою последнюю просьбу, ну, ту, перед злополучной поездкой?

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Простите, сэр, я так и не смог сжечь ваши картины.

АДАМ. Выходит, все мои произведения лежат у тебя в доме, старый плут?

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Выходит так, мистер Чарли.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Вот и вся разгадка. Кстати, коллекция Коллинза, являющаяся национальным достоянием, находится, под охраной

полиции.

ДОКТОР СМИТ. Какой я болван.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Простите, вы что-то сказали?

ДОКТОР СМИТ. Нет, ничего.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Руди передал мне просьбу пациентов: пустить их в зимний сад (*громко*). Руди! Зайдите сюда!

ВХОДИТ РУДИ.

РУДИ. Я к вашим услугам, инспектор.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Ключ от зимнего сада у вас?

РУДИ. Да.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН (*указывает рукой*). Откройте ту дверь.

РУДИ. Но...

ДОКТОР СМИТ. Выполняйте, Руди.

РУДИ ВЫХОДИТ.

ИНСПЕКТОР ГАРРИСОН. Нам пора, доктор Смит.

ДОКТОР СМИТ. "Finita la comedia".

З А Т Е М Н Е Н И Е

АДАМ и ЕВА в зимнем саду. Здесь очень много разнообразных растений.

ЕВА. Хорошо! И спокойно!

АДАМ. Словно в настоящем саду, не хватает только пения птиц.

ЕВА. Как в настоящем раю. И мы с тобой одни. Зачем ты взял с собой фонарь? Здесь достаточно светло.

АДАМ. Действительно, зачем? Мне он напоминает тот самый, роковой светофор. Стоп!.. Для чего я раньше его использовал?

ЕВА. Фонарь олицетворял в твоём сознании время.

АДАМ. Время? Как это? (*включает зелёный свет, направляет его в сторону зала*). Заработал!

ЕВА. И раньше зелёный свет включался.

АДАМ. Да, но ненадолго. Смотри, видишь, оттуда, из глубины ответный?

ЕВА. Где?

АДАМ (*указывает пальцем*). Вон там!

ЕВА. Вижу, Адам!

АДАМ. Адам? Ты назвала меня Адамом?

ЕВА. А разве это не так?..

АДАМ. Нет! Я Чарльз Коллинз, художник. А вы кто такая?

ЕВА. Ева...

АДАМ. Я считаю данную шутку глупой: запереть меня вместе с сумасшедшей и назвать жёлтый дом раем! Адам и Ева!.. Что это означает, черт,

побери!

ЕВА. Ты всё забыл...

АДАМ. Нет, я всё вспомнил! (*подбегает к воображаемой двери, стучит в нее кулаками*). Эй, кто там? Выпустите меня отсюда! Я никакой не Адам! Заберите себе этот глупый фонарь!

ЕВА ПЫТАЕТСЯ ВКЛЮЧИТЬ ЗЕЛЕНЬЙ СВЕТ, НО ПОСЛЕ ПРОБЛЕСКА ЗЕЛЕНОГО ВКЛЮЧАЕТСЯ ЖЕЛТЫЙ. ОНА НАПРАВЛЯЕТ СВЕТ НА СЕБЯ.

ЕВА (*кричит*). Я – Ева!..

АДАМ. Откройте!

ВХОДИТ РУДИ, ЗА НИМ В ЗИМНИЙ САД ВРЫВАЮТСЯ РЕПОРТЕРЫ.

ПЕРВЫЙ РЕПОРТЕР. Повернитесь, мэм! Как вас зовут?

ВТОРОЙ РЕПОРТЕР. Мистер Коллинз, что вы скажете о докторе Смите?

ТРЕТИЙ РЕПОРТЕР. Мистер Коллинз, пару слов для журнала "Спич".

Всего лишь пару слов!

АДАМ. Что за бедлам? Кто эти люди?

РУДИ. Репортеры, сэр.

ЕВА. Вон отсюда! Как вы посмели нарушить наше право отдыха? Руди!

РУДИ. Да, мэм!

ЕВА. Вызовите охрану.

РУДИ. Слушаюсь, мэм.

ВХОДИТ ГЕНРИ БЕЙКЕР.

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Зачем охрана? Я еще не слишком стар!

ГЕНРИ БЕЙКЕР ХВАТАЕТ ЗА ШИВОРОТ ОДНОГО ИЗ РЕПОРТЕРОВ, ВЫТАЛКИВАЕТ ДРУГОГО, ТРЕТЬЕГО ВЫТАЛКИВАЕТ РУДИ. ЗАТЕМ ГЕНРИ БЕЙКЕР ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЗИМНИЙ САД.

АДАМ. Спасибо, старина. Ты меня в очередной раз выручил.

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Не стоит благодарности, мистер Чарли. Я всегда готов вам услужить. Скоро прибудет новый доктор, осмотрит вас, и поедем.

АДАМ. Да... поедем... Ты краски и кисти купил?

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Как вы и просили.

АДАМ. Неси, старина.

ГЕНРИ БЕЙКЕР ВЫХОДИТ.

АДАМ (Еве). Однако, вы решительны, Ева... Так, кажется, вас зовут.

ЕВА. Да, Чарльз.

АДАМ. Чарльз? Вы раньше меня по-другому называли, Адамом, вроде бы.

ЕВА. Вы тогда им были на самом деле.

АДАМ. Странно... Как будто я долго спал. Впрочем, и эта реальность совсем не лучше. Эти ужасные люди... фонарь. Я ходил с ним, как Диоген?

ЕВА. Как сигнальщик.

АДАМ. И кому же я сигналил?

ЕВА. Всем, в том числе и мне.

АДАМ. В вашем голосе грустные ноты...

ЕВА. Я любила вас.

АДАМ. И я... Нет, я просто хочу сказать, что ощущал нечто тут (*указывает рукой на свое сердце*).

ЕВА (обрадовано). Правда? Вы хоть немного, но любили меня, Адам?

АДАМ. Адам и Ева... Помню!

ЕВА. Наконец-то!

АДАМ. Мне хорошо тогда было...

ВХОДИТ ГЕНРИ БЕЙКЕР.

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Я принес всё, что вы просили, мистер Чарли.

АДАМ. Вы можете называть меня Адамом.

ГЕНРИ БЕЙКЕР (*вручает Адаму краски и кисти*). Как своего прародителя? Это можно, мистер Адам.

АДАМ. А теперь ступай, старина. Да, как там мой дом?

ГЕНРИ БЕЙКЕР. К сожалению, он вам больше не принадлежит, мистер... Адам.

АДАМ. Не понял? Что с моим поместьем?

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Дом описан за долги вашей бывшей супруги.

АДАМ. Плохие известия, Генри... Выходит, я бездомный.

ГЕНРИ БЕЙКЕР. Вы можете жить у меня. Дороти только рада будет. А потом продадите картины, они сейчас в большой цене...

АДАМ. Спасибо, старина.

*ГЕНРИ БЕЙКЕР ВЫХОДИТ. АДАМ САДИТСЯ ЗА СТОЛ,
МАНИПУЛИРУЕТ
С КРАСКАМИ.*

ЕВА. Вы назвали Адамом.

АДАМ. Библейский персонаж – неотъемлемая часть меня. И, наверное, все-таки самая лучшая.

ЕВА. Я рада, что вы это осознаете. Мир, в котором живут люди, суров и безжалостен. И очень приятно, когда в нем сохранились такие реликты как мистер Генри и Дороти, которых я почему-то полюбила.

АДАМ. Потому, что вы, Ева, приятное исключение из правил. Если вы

любите чистых и светлых людей, значит и сами замешаны из такого же теста.

ЕВА. Я еще кое-кого люблю.

АДАМ. И я...

АДАМ ШВЫРЯЕТ КИСТЬ.

АДАМ. Ничего не получается! Я потерял цветоощущение!

ЕВА. Не переживай, Адам, оно восстановится, непременно восстановится.

АДАМ (*подходит к Еве, берет ее ладони в свои*). Особенно, если... ты будешь рядом со мной. Согласна?

ЕВА. Да. Мы возьмем с собой фонарь? Он – наш давний спутник.

АДАМ. Возьмем (*берет фонарь, включает зеленый свет*). Однажды ночью мы выйдем из собственного дома, посветим в темноту сада и увидим радостный зеленый отклик.

ЕВА. И пойдем: рай на земле возможен!

З А Н А В Е С